

56
54
ПО ПОВОДУ ЛЖЕУЧЕНИЯ ГРАФА ТОЛСТОГО.

о

БОЖЕСТВЪ

ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

и

о СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНИЯ.

9.-о. ПРОФ. СИБ. д. АКАДЕМИИ,

свящ. Е. Аквилона.

ПЕТЕРОГРАДЪ.

Типографія А. П. Лоцухина. Тележная ул., д. № 5.
1901.

о

БОЖЕСТВЪ ГОСПОДА НАШЕГО

ИСУСА ХРИСТА

и

о СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНИЯ.

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЕ

САМООПРАВДАНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА.

О

БОЖЕСТВЪ ГОСПОДА НАШЕГО

ИИСУСА ХРИСТА

и

о СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНИЯ.

З.-О. ПРОФ. СИБ. Д. АКАДЕМИИ,

Свящ. Е. Аквилинова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Телевская ул. д. № 5.
1901.

О
БОЖЕСТВЪ ГОСПОДА НАШЕГО
ИИСУСА ХРИСТА
и
О СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНИЯ.

Э.-о. ПРОФ. ОПБ. Д. АКАДЕМИИ,

Свящ. Е. Аквилонова.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.
1901.

Извлечено изъ дух. журнала «Христіан. Чтенія» за 1901 г.

2007041627

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Єожествѣ Господа нашего І. Христа и о средствахъ нашего спасенія.

Богословскія размышленія по поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О значеніи личности для возникновенія и распространенія религіи. —
Служебное положение въ послѣдней учительнаго момента.

АЛЛА и слова и вся вообще человѣческая жизнедѣятельность имѣютъ таинственную почву, на которой они произрастаютъ и отъ которой получаютъ свой определенный характеръ. Когда двое дѣлаютъ одно и тоже, то выходитъ уже не одно и тоже, и когда двое говорить одинаковыя рѣчи, то онѣ производятъ различное впечатлѣніе. Сокровенная сущность каждого человѣка рѣшительно, хотя и незамѣтно, господствуетъ надъ ея внѣшнимъ проявленіемъ. Она свѣтится во взорѣ, слышится въ голосѣ, обнаруживается въ тѣлесныхъ формахъ, опредѣляетъ собою цѣлый образъ человѣческой жизни и дѣятельности, окружаетъ его свѣтлымъ ореоломъ или окутываетъ мракомъ. Этю сущностью производятся тѣ непостижимыя симпатіи и антипатіи, которыя для поведенія большинства людей имѣютъ болѣе рѣшительное значение, чѣмъ всякия разсудочные соображенія. Часто мы сами обманываемъ себя, воображая, что даемъ отвѣтъ на слово, между тѣмъ какъ онѣ относятся къ цѣлой личности. По нашему представлению мы обсуждаемъ отдѣльный поступокъ, тогда какъ въ дѣйствительности то, чѣмъ безсознательно для насъ самихъ вызывается наше сужденіе, есть

нашее внутреннее настроение по отношению къ лицу, совершившему извѣстное дѣло. Тотъ же самый поступокъ, будь онъ совершенъ другимъ человѣкомъ, или тѣмъ же самымъ, но только въ другое время, мы одѣнили бы совсѣмъ иначе,— и совершенно справедливо. Ибо во всѣхъ жизнеобнаруженіяхъ рѣшающее значеніе принадлежитъ самой жизни. Если же кто-либо захотѣлъ бы абстрагировать отъ нея, имѣлъ бы предъ собою только безжизненный фантомъ.

Эта, образующая личность человѣка, основа его сущности имѣть свой корень отнюдь не въ однихъ условіяхъ нашего земного бытія. Допустить противное, повидимому, мы вынуждаемся тѣмъ соображеніемъ, что прошлое человѣка обыкновенно оказывается въ цѣломъ его жизневыраженіи. Предпріятія выдающихся людей получаютъ значительную долю вѣса благодаря тѣмъ отличіямъ, какія раньше снискали эти люди. Если кто прежде разсуждалъ умно, то и менѣе содержательное, на что—будь оно сказано другимъ—не обратили бы вниманія, обсуждается на всевозможные лады, и всѣ подозрѣваютъ подъ нимъ глубокій смыслъ. При болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло окажется, что и во всѣхъ раннѣйшихъ выраженіяхъ обнаруживалось тоже качество; только впечатлѣніе, производимое послѣднимъ, усиливается отъ множества побочныхъ обстоятельствъ, а самое качество несомнѣнно предшествовало всѣмъ имъ. Даже поверхностный наблюдатель за малыми дѣтьми не можетъ не замѣтить исключительную своеобразность, проявляющуюся во всѣхъ ихъ занятіяхъ и забавахъ. Эта прирожденная своеобразность можетъ впослѣдствіи прикрыться до неузнаваемости различными личинами, но она никогда не исчезнетъ совершенно, и подчасъ черезъ толщу покрововъ прорывается съ юношеской силой, потому что представляетъ собою неистребимую сущность самого человѣка. Не поможетъ въ отысканіи родословія этой своеобразности также и ссылка на предковъ, такъ называемый атавизмъ. Какъ ни удивительно бываетъ сходство съ ними потомковъ, какъ ни много отдельныхъ чертъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, какъ ни справедливо положеніе, что національный типъ отпечатывается на каждомъ индивидуумѣ, — однако же это только одинъ матеріалъ, изъ котораго новая жизненная клѣточка образуетъ свою новую форму. Личность не есть продуктъ изъ факторовъ прошлаго. Она есть нечто *новое* и притомъ совершенно *оригинальное*. Ея происхожденіе лежитъ за

предѣлами земныхъ сферъ, для которыхъ только и имѣютъ значение наши категоріи, а потому и оказывается непостижимою для человѣческаго разума. Противорѣчія мысли являются въ ней примиренными. Она есть нечто совершенно особое, и однако же въ каждомъ отдѣльномъ явленіи вмѣстѣ съ нею обнаруживается всеобщая и вѣчная основа всякой жизни. Необходимо является она въ своемъ рожденіи и развитіи, и однако же нигдѣ еще, какъ только въ ней, не обитаетъ свобода. Такъ воистину она божественна по своему происхожденію и возникаетъ непосредственно изъ глубочайшихъ источниковъ жизни. Въ ней поконится истинное благородство и вѣчное назначеніе человѣческаго рода.

О, если бы во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и дѣлахъ теплился этотъ небесный огонь! Какъ возвышаетъ и въ тоже время смиряетъ человѣка сознаніе—быть вмѣстилищемъ еще нигдѣ, какъ только въ немъ, осуществленной мысли Божией; но зато какъ же и могущественно это сознаніе обязываетъ его не искалечивать и не съуживать эту мысль по своей собственной винѣ! Въ виду такого обязательства, кто можетъ безъ чувства глубокаго стыда помыслить о своей личной жизни? Гдѣ находятся тѣ, которые смотрятъ своими глазами и чувствуютъ собственнымъ сердцемъ? Которые ясно говорять то, что думаютъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ только искреннему убѣжденію? Вѣдь мы такъ привыкли къ заученнымъ фразамъ, къ безмысленному сотрудничеству за спиною другихъ, къ ложной умѣренности нивелированныхъ ощущеній, что невольно изумляемся, когда среди обыденныхъ людей вдругъ, встрѣтимся съ незаурядной личностью. А, между тѣмъ, духомъ личности должно оживляться каждое наше дѣло и слово, включительно до сокровеннѣйшихъ помышленій. Въ произведеніяхъ искусства неизменно бьется сердце художника. Равно и наука лишь при томъ условіи приближается къ желанной объективности, если ученый напередъ ясно разсмотрѣть своими глазами предметъ своего изслѣдованія, а потомъ уже точно покажеть и другимъ, какъ въ *сuo* духѣ отражаются известныя состоянія и явленія. Не иначе и въ политикѣ,—обсужденіе поставленнаго вопроса—какъ обыкновенно говорятъ—съ предметныхъ или дѣловыхъ точекъ зрѣнія есть въ сущности заблужденіе. Точки зрѣнія никогда не бываютъ предметными, но всегда личными, и собственно рѣшающее значение при обсужденіи вопросовъ принадлежитъ внутренней, подчасъ несознаваемой .

самою личностью, основной ея тенденциі. На этомъ однъмъ нокоится также и право сплоченныхъ политическихъ партій. Общественные отношенія получаютъ значение не отъ содержанія рѣчей, но оттого, что встрѣчаются другъ съ другомъ различныя личности, которые другъ друга ищутъ или одна избѣгаютъ другую. Так же и въ семейной жизни благодеяніе и злополучіе происходятъ оттого, чѣмъ являются сами по себѣ члены семьи, ибо это именно нѣчто обнаруживается непосредственно во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, нестѣсняемыхъ, какъ въ другихъ областяхъ жизни, какими-нибудь особыми соображеніями или принудительнымъ формализмомъ.

Такимъ образомъ, дѣйствія распространяются отъ центра по всей периферіи жизни. Они проникаютъ, перерабатываютъ, одухотворяютъ хрупкій земной матеріаль. Но чѣмъ ближе къ окружности, тѣмъ они становятся слабѣе. Въ расположениіи чиселъ, въ чисто механическомъ труде, довольно мудрено замѣтить что-либо относящееся исключительно къ личности. Къ ея дѣйствію присоединяется нѣчто другое и, притомъ, болѣе важное, что во всякомъ нравственномъ дѣйствіи, хотя бы послѣднее и опредѣлялось личностью, заставляетъ, однако, ее отступить на задній планъ. Она производитъ дѣйствія, но послѣднія получаютъ относительно самостоятельное бытіе. Она обрабатывается безличный матеріаль, но не уничтожаетъ его. Она обитаетъ въ немъ, но вмѣстѣ и скрывается за нимъ.

Наоборотъ, есть такая область, гдѣ творческая сила личности проявляется не во вѣнчаніи для нея сферѣ, но дѣйствуетъ въ интересахъ собственного возрастанія и совершенства. Это—религіозная область. Если въ личности находится таинственная точка соприкосновенія человѣческой жизни съ божественною, то ясно, что еще нигдѣ, какъ только здѣсь, можетъ находиться и колыбель религії.

Религіознымъ называется такой человѣкъ, чувство и сознаніе которого всецѣло проникнуто подчиненіемъ его жизни Божьей волѣ. Созерцаешь ли онъ разнообразные земные предметы, онъ одновременно думаетъ объ ихъ высочайшемъ основаніи. Совершаетъ ли какой нравственный подвигъ,—для него менѣе важно достигнутое, чѣмъ личная душа добродѣланія. Так же и отдалыя происшествія собственной жизни для него не представляютъ такой важности, какъ божественное происхожденіе самой жизни, какъ дѣйствіе единаго Духа Божія, ощущаемаго на всѣхъ путяхъ ея, и какъ завершительная

дѣль, къ которой все стремится, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Сохранить въ силѣ и чистотѣ святое пламя вѣры,— таково желаніе религіознаго человѣка. Если внутри человѣка горитъ это пламя, то навѣрно оно будетъ пробиваться и наружу и будетъ согрѣвать и просвѣщать со всѣхъ сторонъ человѣческую жизнедѣятельность. Часто и не думаетъ человѣкъ о томъ, происходитъ ли и въ какой, именно, формѣ происходить это вынаруженіе религіозной жизни, такъ какъ всесцѣло поглощенъ заботой — поддержанія и возгрѣванія ея на внутреннемъ очагѣ своего сердца. Почти отрѣшившійся отъ текущихъ событій виѣшней жизни и обратившій умственныи взоръ внутрь себя, религіозный человѣкъ можетъ являться подчасъ чуждымъ не только для людей вѣка сего, но и для такихъ поченныхъ дѣятелей, жизненною цѣлью которыхъ служить — покорить посредствомъ нравственнаго подвига чувственныи міръ на служеніе духу. И вотъ иногда мгновенно мечтатель дѣлается героемъ, превосходящимъ всѣхъ другихъ. Не только больше жертвъ можетъ принести онъ по сравненію съ ними, не только болѣе мужественно претерпѣть ужаснѣйшія страданія, но онъ можетъ подчасъ даже потрясти цѣлый міръ, ибо нашелъ для себя твердую опору за предѣлами міра. Въ таковыхъ религіозныхъ людяхъ обитаетъ религія,—обитаетъ не въ учениіи только и не въ знаніи, не въ однихъ подвигахъ и дѣйствіяхъ но въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ самой личности. Если бы религія не находилась и тамъ, то ея не было бы нигдѣ на свѣтѣ. Неопытные, къ сожалѣнію, могутъ быть введены въ обманъ ловко надѣтою личною святыхъ словъ и дѣль, да къ тому же люди и сами часто взвѣшиваютъ благочестіе точно по мѣрѣ тяжести. Но поистинѣ религіозною является только имѣющая свою опору въ Богѣ самая личность и то, что отъ нея исходитъ, подобно свѣтымъ лучамъ.

Какъ же распространяется религія? Несомнѣнно, она распространяется и посредствомъ ученія, но становится дѣйственнаю только тогда, когда личность учителя проникнута сознаніемъ истинности преподаваемаго ученія, и когда послѣднее служить выраженіемъ его внутренней жизни. Несравненно меньшее, чѣмъ какое угодно другое, религіозное ученіе мирится съ передачей его остывшимъ сердцемъ и, такъ сказать, въ охлажденномъ состояніи. Пусть поразмыслитъ объ этомъ каждый, облекающійся въ учительскую тогу и — неимѣющей внутренняго

расположенія къ проповѣдемому ученію! Напрасно воображалъ бы таковой, будто можно учить религіи. Хотя бы онъ самымъ основательнымъ образомъ усвоилъ содержаніе хр. ученія и хотя бы излагалъ его съ мастерствомъ первокласснаго оратора, при всемъ томъ, онъ принесеть больше вреда, чѣмъ пользы. Конечно, было бы несправедливостью совершенно отрицать то, что и посредствомъ одного ученія тамъ и здѣсь, особенно въ воспріимчивыхъ сердцахъ, можетъ воспламениться искра жизни или накопиться такой материалъ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ разгорится яркимъ пламенемъ. Но, все-таки, больше получится вреда, чѣмъ пользы. Очень многіе прозелиты заразятся религіознымъ равнодушіемъ своего учителя, и тѣ, которые сильнѣе другихъ алкали и жаждали Божьей правды, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся отъ такого ученія, которое, предстало ихъ умственному взору въ видѣ беззыяннаго трупа. На свѣтѣ еще мало бываетъ такихъ чистыхъ радостей, какъ если проповѣдникъ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ пламенѣющимъ сердцемъ говоритъ о божественныхъ дѣлахъ и замѣчаетъ, какъ, благодаря личному соприкосновенію душъ, пробуждается въ слушателяхъ божественная жизнь, и какъ въ ихъ взорахъ свѣтится небесная радость. Съ другой стороны, нѣть еще болѣе горестнаго состоянія по сравненію съ тѣмъ, какое испытываетъ учитель-наемникъ, слова котораго находятся въ воціющемъ противорѣчи съ его убѣжденіемъ и жизнью!

Если же въ дѣлѣ религіозной проповѣди рѣшительное значеніе принадлежитъ личному соприкосновенію, то и учение, какимъ бы жизненнымъ ни было оно, представлять собою только одинъ изъ многихъ покрововъ, подъ прикрытиемъ которыхъ распространяется религія. Ибо разнообразными способами жизнь возгорается отъ жизни, и на человѣческомъ языкѣ еще нѣть словъ для выраженія сокрытыхъ даже отъ самыхъ проницательныхъ умовъ первыхъ моментовъ воспламененія послѣдней. «Нисходилъ ли ты во глубину моря и входилъ ли въ изслѣдованіе бездны?», читается въ кн. Іова. «Обозрѣль ли ты широту земли? Объясни, если знаешь, все это. Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы? По какому пути разливается свѣтъ и разносится восточный вѣтеръ по землѣ? Кто проводитъ протоки для изливанія воды и путь для громоносной молніи, чтобы возбуждать травные зародыши къ возрастанію?» Такъ и въ данномъ

случаѣ можно спросить иного: знаешь ли ты сокровенные пути, по которымъ религія благочестивой матери изливается въ сердца ея малютокъ? Вѣдомо ли тебѣ, какъ она учитъ своихъ дѣтей вѣрѣ въ Бога, благодарности къ Нему и безропотной преданности Его волѣ? Однѣ ли молитвы или священныи исторіи произвели на свѣтъ эту дѣтскую вѣру? Да, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, что эта именно матерь сообщаетъ божественное наставленіе именно этимъ дѣтямъ, ибо она влагаетъ въ дѣло воспитанія все свое сердце и всею своею жизнью оправдываетъ истинность преподаваемаго. Здѣсь уже никакъ не одни слова. Вѣрность, съ какою она оберегаетъ младенческую колыбель, материнскія заботы у одра больныхъ дѣтей, ея невыразимая радость объ ихъ преуспѣяніи, вся эта внутренняя жизнь, въ которой нѣть ничего дѣланнаго, но во всемъ видна искренность, посредствомъ тысячи незримыхъ каналовъ устремляется въ дѣтскія сердца и пробуждаетъ въ нихъ такое же настроение. Гдѣ дала ростокъ истинная жизнь, тамъ она не остается въ бездѣйствії. Безчисленное множество мужей, невѣровавшихъ Евангелію, «житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣталимы были» 1 Петр. III, 1. Окрѣпнувшее религіозное настроение привлекаетъ къ себѣ не только случайно собравшихся и внемлющихъ ему, но и будущія поколѣнія, силою истины препобѣждая упорное сопротивленіе. Не одно христіанское ученіе сдѣлало изъ фанатического Савла первоверховнаго апостола. Но, когда онъ созерцалъ мученическую кончину Стефана, когда онъ слышалъ его прелсмертное моленіе къ Господу Іисусу, тогда, быть можетъ, впервые зацепила въ его душу искра христіанской вѣры. Она пока тлѣла, и Савль никакими усилиями не могъ погасить ее; но затѣмъ возгорѣлась яркимъ пламенемъ, благодаря личному соприкосновенію гонителя съ Тѣмъ, Которому и Стефанъ былъ обязанъ своей благочестивой жизнью. Въ свою очередь и духъ Павла многихъ возродилъ къ истинной жизни. Такъ отъ одного христіанина свѣтъ вѣры переходитъ къ другому.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О божествѣ Христа Спасителя и о вѣрѣ въ Него.

Исключая Богочеловѣка—Христа, у всѣхъ религіозныхъ дѣятелей мы находимъ недостатокъ нравственной силы, душевной гармоніи и житейской чистоты. Эта же недостатокъ мы оплакиваемъ и въ себѣ самихъ. По мучительному опыту всякой знаеть, какъ рѣдки тѣ величія мгновенія, въ которыхъ мы чувствуемъ себя свободными отъ себялюбивыхъ и чувственныхъ пожеланій, когда въ насъ свободно носится дыханіе Духа Божія,—тѣ мгновенія, которыхъ поднимаются насъ такъ высоко надъ соблазнами вѣка, и въ которые мы впервые обрѣтаемъ насъ же самихъ. Они являются подобно небеснымъ посланникамъ, но удержать ихъ не удается намъ. Мы видимъ только ихъ свѣтлые слѣды и опускаемся опять въ земную тьму, побораемся новыми сомнѣніями, становимся жертвою страстей и подчасъ впадаемъ въ отчаяніе отъ мучительныхъ заботъ. Мы бываемъ далеки отъ того, чтобы отвергать божественную истину, но эта истина не является въ насъ жизнью. И вотъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми лицами, отъ которыхъ получается впечатлѣніе, что ихъ душа глубже и крѣпче коренится въ Богѣ. Но именно самые лучшіе изъ нихъ испытываютъ, подобно намъ, тяжкое состояніе духовной неудовлетворенности. Чѣмъ пристальнѣе они всматриваются въ чудную перспективу нравственного усовершенствованія и чѣмъ больше восторгаются желанію цѣлью благородныхъ стремленій, тѣмъ сильнѣе даетъ имъ знать о себѣ дальность разстоянія ихъ отъ идеала. Повсюду эгоистическое прилепленіе къ земному и разслабляетъ человѣка. Даже и въ герояхъ вѣры подчасъ наблюдается оно. Наоборотъ, въ совершенно исключительномъ положеніи находится Христосъ Спаситель.

Происходящая изъ премірныхъ нѣдръ въ Немъ течеть чистѣйшая божественная жизнь. Она проникаетъ каждое дѣло и слово, обнаруживается въ каждомъ движениіи сердца и составляетъ, такъ сказать, самое дыханіе Его богочеловѣческой жизни. Земная жизнь, обыкновенно омрачающая и скрывающая божественную, въ Немъ является какъ бы прозрачнымъ сосудомъ, премлющимъ въ себя свѣтлымъ струи небесной жизни, удоборимыя даже и смертными очами. Повсюду здѣсь близость Бога и миръ Божій. Вмѣстѣ святость и любовь, могущество и спокойствіе. Подъ временнымъ покровомъ вѣчное содержаніе. Есть ли это человѣческая жизнь, или это жизнь божественная? Кто можетъ отѣлить одну отъ другой, когда онѣ составляютъ единство? Ибо всякая истинная жизнь есть непремѣнно божественная. Внѣ Бога только смерть. Если изъ другихъ источниковъ повсюду изливаются въ человѣческую жизнь только мутныя воды смерти, то почему же не должна гдѣ-нибудь для исцѣленія всѣхъ протекать также и чистая вода жизни? Почему среди колеблющихся не долженъ находиться одинъ не колеблющійся, среди слѣпцовъ — одинъ видящій? Почему между столь многими, ведущими на небо, ступеньками не должна быть одна высочайшая ступень непосредственно при вратахъ Отчаго дома, между безчисленными приближеніями къ центру такая точка, которая совпадаетъ съ самымъ центромъ? Почему же нѣтъ, если того хочетъ Богъ? И почему такимъ жизненнымъ центромъ не долженъ быть Христосъ Спаситель? Безчисленное множество спасенныхъ доказываетъ, что въ Немъ они обрѣли жизнь. Мучимый жаждою находить только у Него чистое питіе, и жажда утоляется. Возжадавшая Бога человѣческая душа, не получившая удовлетворенія своимъ запросамъ даже и отъ самыхъ благочестивыхъ и самыхъ мудрыхъ изъ земнородныхъ, все еще жаждущая, находить Христа, а въ Немъ и свое успокоеніе. Здѣсь обрѣтаетъ она Самого Бога, и Онъ утоляетъ ея жажду. На то и родился Спаситель, чтобы мы имѣли жизнь и всѣ средства къ ея достижению. Кто самъ на себѣ испыталъ животворное дѣйствіе Божественной благодати, тотъ уже не спрашиваетъ о томъ, возможно ли и какъ, именно, оно возможно, ибо наличность факта есть наиболѣе убѣдительное доказательство его возможности. Предъ чудеснымъ удовлетвореніемъ всѣмъ высочайшимъ запросамъ жизни и духа исчезаетъ всякое умничающее сомнѣніе, какъ туманъ при солнечномъ восходѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе вѣры во Христа для человѣческаго спасенія и для жизни.

Вѣра во Христа есть созерцаніе Его духомъ и успокоеніе въ Немъ сердца, каковыми состояніями производятся величайшія дѣйствія въ области воли и всей человѣческой жизни. Подобно тому, какъ начинающій учиться какому-либо искусству и видящій впервые мастерское произведеніе своего учителя, чувствуетъ себя совершенно разбитымъ въ прежнемъ миѳіи о себѣ самомъ, а вмѣсть какъ бы и приподнятымъ надъ собою и одушевленнымъ къ подражанію,—такъ въ несравненно еще большей степени каждый, въ душѣ котораго подъ терпѣньемъ земныхъ заботъ и страстей еще не совсѣмъ заглохло стремлѣніе къ высочайшей цѣли жизни, чувствуетъ себя всесѣло плѣненнымъ божественнымъ Лицомъ Христа, какъ только Оно предстанетъ во всей красѣ его духовному взору. Но вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не о какомъ-нибудь искусстве, обѣ истинной жизни, обѣ ея цѣнности и цѣли, о погибели ея или о вѣчномъ продолженіи. Впечатлѣніе, получаемое отъ этого безусловнаго послушанія Богу, отъ этого Сыновняго отношенія и преданности небесному Отцу, отъ этой, свѣтящей и во тьмѣ истины, отъ этой, исполненной самоотверженія и любви къ людямъ, причинявшимъ Ему много жесточайшихъ страданій,—впечатлѣніе настолько сильно, что въ насть рождается твердая увѣренность въ Божіей любви къ грѣшному человѣчеству, въ любви ко всѣмъ и къ каждому. Въ тоже время, подобно жалкой личинѣ, отпадаетъ отъ насть дотолѣ самоуслаждавшее нашъ эгоизмъ чувство своего мнимаго достоинства, такъ что, посрамленные своимъ убожествомъ и нищетою, униженные созерцаніемъ необъятной пропасти, отдѣляющей наше дѣйствительное положеніе отъ того, въ

какомъ намъ должно находиться, мы въ прахѣ и пеплѣ повергаемся ницъ. Съ другой же стороны, мы смиряемся отнюдь не отъ дѣйствія строго-непріступной святости Христовой, но дивнымъ устроеніемъ, — котораго невозможно изслѣдоватъ умомъ, а можно постигнуть только цѣльмъ процессомъ душевнаго переживанія, — по которому со святостью нераздѣльно соединена любовь, такъ что опять становимся на ноги, поддерживаемые крѣпкою десницею Спасителя, которою Онъ Самъ вводить насъ въ сферу Своей святой жизни. Правда, еще очень многаго недостаетъ намъ для того, чтобы безошибочно идти по стопамъ Христовымъ и возрастить въ своей душѣ Его мысли и чувства, но въ *принципѣ* мы уже сдѣлились причастниками новой жизни. Въ насъ уже насаждено зерно этой жизни и оно въ Свое время даетъ ростокъ, потому что Самъ Христосъ наполяетъ свое насажденіе и ухаживаетъ за нимъ; не убоится оно житейскихъ треволненій, а еще болѣе окрѣпнетъ съ теченіемъ времени; тогда какъ наша грѣховная природа, хотя подчасъ и очень бурно предъявляющая намъ свои мнимыя права на нашу жизнь, отсель становится растенiemъ съ прогнившимъ корнемъ. Здѣсь выступаетъ въ своей поразительной силѣ тайна духовнаго жизнеобщенія. Гдѣ двѣ души любовью слились во едину, тамъ каждая выходитъ изъ себя самой и живеть въ другой, смотрѣть ея очами, думать ея мыслями, устремляется по влечению ея желаній. Такъ, вѣрующая душа воспринимаетъ чувствованія Христовы въ самое средоточіе своей жизни, и, какъ бы ни падаль низко возрожденный человѣкъ, все-таки, пока еще въ немъ не исчезла нелицемѣрная любовь къ Христу, онъ можетъ дерзновенно сказать: то, ветхое, не относится къ моему существу, оно только приражается къ нему, въ дѣйствительности же теперь уже не я болѣе живу, но Христосъ живеть во мнѣ. Все обновилось во мнѣ, поелику Онъ сдѣлялся жизнью моей жизни; и, хотя новая жизнь медлительно пробивается себѣ русло чрезъ груды всякаго мусора и нечистоты, однако она имѣеть предъ собою свѣтлую перспективу, а въ себѣ носить залогъ вѣчности. Такъ вѣра даруетъ блаженство христіанину. На первыхъ порахъ своего духовнаго роста она не требуетъ непремѣнно принятія выработанной во всѣхъ частностяхъ системы, научно-діалектическаго постиженія божественныхъ истинъ и облеченья ихъ въ формально-логическія оболочки. Ея отчество — сердце, которымъ «вѣруется въ правду», въ

которомъ обитаютъ любовь и надежда, и гдѣ перекрещаются тысячи смыняющихся чувствованій. Тамъ же происходитъ борьба, изъ сердца изгоняется всякая скверна, въ немъ возгорается новая жизнь, воспламеняется свѣтъ, гдѣ передъ тѣмъ была тьма, и водворяется добрый порядокъ вмѣсто прежнаго хаоса. Какая премудрость и вмѣстѣ какая простота въ этой, дарующей человѣку блаженство, вѣрѣ! Иначе и быть не можетъ, потому что вѣра не есть привилегія только однихъ знатныхъ вѣка сего, но всеобщее достояніе, доступное всякому простецу включительно до руконосимаго младенца. Слѣдовательно, колыбель вѣры должна находиться въ потаенныхъ пѣдрахъ человѣческаго духа. Такъ проста вѣра и однако столь рѣшительна, такъ настойчива въ достижениіи самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей, ежедневно творящая и, подобно свѣту, озаряющая новый міръ. Она всегда по существу одна и та же, но человѣческій опытъ и переживаніе не одни и тѣ же, а потому въ вѣрѣ нѣть ничего монотоннаго, и она никогда не старѣеть, ибо вѣрующій переживаетъ всякое испытаніе, а равно и пользуется имъ совершенно иначе по сравненію съ невѣрующимъ. Какъ и что будешь ты говорить въ данномъ положеніи? Съ какимъ чувствомъ перенесешь страшный ударъ судьбы? Какъ встрѣтишься съ этимъ недоброжелателемъ? Съ какимъ настроениемъ завтра и потомъ подымешь на себя тяжкій яремъ своихъ обязанностей? Какое неизмѣримое получается различіе, даетъ ли отвѣтъ на эти вопросы повинуюющійся своимъ естественнымъ влеченіямъ человѣкъ, или другой, всецѣло живущій въ Богѣ—Спасителѣ! Только въ послѣднемъ случаѣ получится твердое и достойное ихъ рѣшеніе, въ которомъ христіанинъ руководствуется не земными соображеніями и не молвою свѣта, но свидѣтельствомъ своей облагодатствованной совѣсти, тѣмъ «умомъ Христовымъ», о которомъ пишетъ св. апостолъ, и который безошибочно распознаетъ истинное и отмечаетъ лукавое.

Святая истина,—возразить намъ,—но вѣдь тоже производить само по себѣ и одно христіанско вѣроученіе. Однако такъ возражающій очевидно не знаетъ настоящей цѣны силы личности. Какъ часто, особенно въ юношескомъ періодѣ жизни, соблазнитель въ человѣческомъ образѣ подступаетъ лично съ льстивыми рѣчами и со всякими соблазнами къ другому человѣку,—и куда пошли прочь всѣ заботливо взлѣянія правила жизни! И только личная близость отца и

матери или убѣдительно-твѣрдое слово друга оживляютъ полузыбытое правило и спасаютъ обольщеннаго отъ рокового шага. Во сколько же разъ крѣпче должно быть вліяніе Того, Кто Самъ представлялъ Собою воплощеніе божественной благодати? Христіанское ученіе, особенно теперь, извѣстно—можно сказать—повсюду, но одно ученіе само по себѣ еще не въ состояніи возрастить во всей красѣ истинно-религіозную жизнь. Вѣдь это ученіе потому и называется христіанскимъ, что происходитъ отъ Самого Христа и заключаетъ въ себѣ Его силу. Поэтому, кто стремится къ высшему совершенству и хочетъ сохранить твердость въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ жизни, тотъ отъ дѣйствія долженъ восходить къ дѣйствующему и отъ абстрактныхъ понятій къ живому Лицу. Спасти это богочеловѣческое Лицо отъ всякихъ искаженій, приблизить Его возможно болѣе къ людямъ «прелюбодѣйнаго рода», избавить этихъ послѣднихъ отъ пагубнаго заблужденія, по которому личная близость есть будто бы только тѣлесная смежность, убѣдить ихъ въ непостоянствѣ и призрачности земного міра явленій, чтобы тѣмъ больше укрѣпить вѣру въ Того, Который обѣтовалъ пребывать съ нами «во вся дни до скончанія вѣка»,—задача эта несомнѣнно достопочтена, особенно въ наше многомя-
тущееся время.

Изъ такой вѣры во Христа произрастаетъ цѣлая христіанская вѣра со всѣми ея развѣтвленіями. Вѣра имѣть своимъ предметомъ Бога, Его ищетъ и Его обрѣтаетъ она. Что же касается вѣры во Христа, то она не только приводить къ вѣрѣ въ Бога, но и непосредственно есть эта самая вѣра. То несомнѣнно, что Христость для насъ служить высочайшимъ образомъ во всемъ, чѣмъ только есть великаго и прекраснаго въ цѣломъ мірѣ; но этимъ еще не дается вполнаго удовле-
творенія нашему религіозному чувству, находящему успо-
коеніе только въ единомъ Богѣ. Въ томъ-то и состоить величайшее заблужденіе тѣхъ либеральныхъ богослововъ, кото-
рые, въ разсмотрѣніи значенія Христа, не простираются дальше идеала совершеннаго, хотя бы и соединеннаго съ Богомъ, человѣка—учителя о Богѣ и дѣлахъ Его. Какими привлекательными чертами ни изображали бы они указанное значение: религіозное чувство все-таки будетъ терзаться однимъ существеннымъ недостаткомъ. Подайте мнѣ, заявить оно, не ученіе только о Богѣ, но Самого Бога! Живописуйте

мнѣ не человѣка только, находящагося въ единеніи съ Богомъ, но покажите, какъ самъ я долженъ быть съ Нимъ въ единеніи. Это основное требование религіознаго чувства получить удовлетвореніе, только тогда, когда явится разумѣніе, что въ такомъ Праведникѣ Самъ Богъ открывается людямъ. Когда въ зеркалѣ отражается солнце, лучи которого достигаютъ наблюдающаго глаза, то мы говоримъ, что видимъ солнце. Такъ и когда мы познаемъ истину и любовь Христовы, то, правда, предъ нами истина и любовь человѣка, однако столь непосредственно происходящія изъ его единства съ Богомъ, что мы одновременно познаемъ истину и любовь Божіи. Безпредѣльного, Вѣчнаго, Непостижимаго видимъ мы въ ясномъ зеркалѣ,—видимъ такъ, какъ вообще только могутъ видѣть Его люди. «Видѣвый Менѣ, видѣ Отца». Такъ во Христѣ мы обрѣтаемъ Бога ¹⁾.

---

¹⁾ По O. Dreyer'у, *Undogm. Christentum*. Braunschwe. 1888. s. 65—71.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Важность свидѣтельствъ Спасителя о Своей безгрѣшности и о божественномъ совершенствѣ.—Свидѣтельства евангелистовъ и Предтечи.—Несостоятельность критики.

«Таинство странное вижду и преславное» невольно признается каждый, внимательно всматривающійся въ необыкновенное Лицо Богочеловѣка. И, воть, начинается буря сомнѣній даже въ благочестивомъ созерцателѣ. Нашъ ветхій человѣкъ, не могущій еще окончательно отложить свою гордыню, вникая въ смыслъ высочайшаго ученія Н. Завѣта, поражаясь чудесами великаго Чудотворца и Его превосходствомъ надъ самыми великими изъ людей, никакъ не можетъ допустить мысли, что Иисусъ не человѣкъ только, но вмѣсть и Богъ, и останавливается на компромиссѣ: это величайшій изъ великихъ міра сего. За то нашъ новый человѣкъ порываетъ всякую связь съ позорнымъ компромиссомъ и, поборая тьму сомнѣній, приходитъ къ радостному исповѣданію Петрову: «Ты еси Христосъ, Сынъ Божій», т. е., второе Лицо Св. Троицы, воплотившійся насъ ради Богъ—Слово.

Какое радостное исповѣданіе! Но какъ, спрашивается, оправдать его, какъ удостовѣриться въ этой спасительной истинѣ когда отовсюду поднимается столько возраженій противъ нея, не только не умолкающихъ, но все болѣе и болѣе возвышающихся голосъ особенно въ наши дни? Попытаемся вкратцѣ отвѣтить на вопросы.

Прежде всего предъявляемъ нашимъ возражателямъ то положеніе, что изъ всего, подвергаемаго сомнѣнію, самымъ несомнѣннымъ служить человѣческое сознаніе и самосознаніе. Кому неизвѣстно, съ какою самоувѣренностью современная экспериментальная психологія виновность или невиновность

человѣка основывается на результатахъ освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, главнымъ образомъ, сознанія. Щѣну человѣческой личности назначаютъ, смотря по тому, что читаютъ въ ея самосознаніи.

Во Христѣ также было Свое самосознаніе, и разъ поднять вопросъ: «что вамъ мнится о Христѣ: чѣй есть Сынъ?»— естественно обратиться за рѣшеніемъ его къ самосознанію Самого Спасителя. Откуда, спрашивается прежде всего, возникло у Него сознаніе Своей безгрѣшности? Не изъ вѣнчанаго же міра Онъ добылъ его; и не въ грѣховности окружающихъ людей коренится оно. Какъ угодно можно идеализировать относительныя человѣческія совершенства, но и тысячекратное, хотя бы безчисленное множество разъ слагаемое одно съ другимъ условное и ограниченное, никогда не дастъ въ суммѣ безусловнаго и беспредѣльнаго. Мы знаемъ, какими гигантскими шагами шли къ своему возвеличенію, напримѣрь, Будда и Магометъ, однако ни тотъ, ни другой сами никогда не дерзали называть себя безгрѣшными въ томъ смыслѣ, въ какомъ сознавалъ и называлъ Себя Господь И. Христосъ. Извѣстны намъ и другіе многочисленные примѣры святыхъ и героевъ изъ исторіи христіанской церкви, но ни одинъ святой и никто изъ самыхъ достославныхъ героевъ не можетъ выдержать даже и поверхностнаго сравненія со Христомъ, этимъ святымъ изъ святыхъ и подвигоположникомъ изъ всѣхъ героевъ. «Кто изъ васъ обличить Меня во грѣхѣ», спрашиваетъ Спаситель Своихъ враговъ, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается указать хотя бы на какой-либо дѣйствительный въ Немъ недостатокъ. Наоборотъ, посланные взять Иисуса слуги синедрона свидѣтельствуютъ своимъ начальникамъ, что «николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ» Иоан. VII, 46. Научая апостоловъ молиться, Христосъ начинаетъ молитву обращеніемъ къ Отцу небесному, Котораго всѣ вѣрующіе должны называть общимъ Отцомъ: «Отче наше», но Самъ Спаситель никогда не обращался къ Нему съ такимъ предикатомъ. Не возбраняя людямъ приближаться, въ качествѣ чадъ, къ ихъ небесному Отцу, Самъ Христосъ несколько не поступается Своимъ исключительнымъ богосыновствомъ и потому только Самъ, а никто другой, именуетъ Бога Своимъ Отцомъ,—въ исключительномъ Личномъ смыслѣ, въ какомъ Онъ говоритъ: «Азъ и Отецъ едино есма», или «Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мне», «Отецъ Мой доселѣ дѣ-

лаеть, и Азъ дѣлаю»... Научая, далѣе, въ той же молитвѣ апостоловъ просить у небеснаго Отца оставленія долговъ, т. е. грѣховъ, Самъ Христосъ никогда не обращался къ Богу Отцу съ такимъ моленіемъ. Повидимому, Геѳсиманская молитва была наиболѣе удобна для того, чтобы грядущій на вольную страсть за грѣхи міра Иисуситель хоть разъ въ теченіе Своей земной жизни употребилъ самый легкій намекъ на какое-либо Свое несовершенство и просилъ бы Отца о помилованіи. И, однако же, тщетно стала бы выслѣживать такой намекъ даже самая придирчивая критика. Наоборотъ, послѣдняя въ лицѣ, наприм., Ренана и Штрауса рѣшительно свидѣтельствуетъ въ пользу ничѣмъ и никогда ненарушимой гармоніи внутренняго міра Христова ¹⁾). Не испрашивавшій себѣ прощенія въ несуществующихъ грѣхахъ, Спаситель тѣмъ самымъ рѣшительно выдѣляетъ Себя изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ какъ родился, такъ жилъ и умеръ «не имѣй грѣха», «ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его».

Самъ не имѣвшій грѣха, Онъ за то отпускаетъ грѣхи другимъ, напримѣръ, тому разслабленному, котораго исцѣлилъ въ Капернаумѣ: «Чадо, отпускаются тебѣ грѣси твои», или женщинѣ-грѣшницѣ, которой отпустилъ «грѣси ея мнози», или испѣленному при овчей купѣли: «се здравь еси: кому не согрѣшай»... и молится о прощеніи людямъ ихъ согрѣшеній. Пришедшій даровать имъ жизнь и научить ихъ истинѣ, Онъ Самъ говорить о Себѣ: «Азъ есмь путь, и истина и животъ», и вѣру въ Себя называетъ условіемъ вѣчной жизни: «вѣруй въ Мя имать животъ вѣчный».

Чтобы покончить непріятный счетъ съ такимъ, исполненнымъ необъятной силы и высочайшаго достоинства, самознаніемъ Христовыемъ, критикѣ остается сдѣлать одно изъ привычныхъ ей *salto mortale*, т. е. объявить всѣ эти мысля, свидѣтельствующія о Богочеловѣчествѣ Спасителя, подложными. Но спрашивается: кто же совершилъ подлогъ? Апостолы были для этого слишкомъ просты и неучены. Имѣ ли, неучеными рыбарями, пускаться въ такія научные авантюры, на которыхъ способенъ далеко не всякий даже и изъ ученыхъ изслѣдователей? Если бы даже и взялись за него и блистательно исполнили его галилейскіе рыбари, то въ такомъ случаѣ

¹⁾ См. о. Евгена брош. „О Спасителе и о спасеніи“. Слб. 1899. Стр. 5—7.

имѣть свой *raison d'être* вопросъ: откуда галилеане могли взять столь возвышенныя черты идеального образа своего Учителя? Вѣдь апостолы были дѣти своего времени и раздѣляли съ своими соотечественниками нѣкоторыя земные представлія о Мессіи! И вдругъ подъ ихъ чудною кистью живописуется такой Христосъ, въ Которомъ нѣтъ даже и тѣни чувственаго Мессіи — завоевателя, нѣтъ ничего временно-национального, узкаго и партійнаго, Который чуждъ всякихъ предвзятыхъ сужденій и человѣческихъ несовершенствъ! Это ужъ поистинѣ было бы *Deus ex machina!*

Сколько угодно можно штудировать Ветхій Завѣтъ съ цѣлью отыскать въ немъ элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію критики, апостолы или другіе новозавѣтные писатели якобы создали безподобный образъ Божественнаго Учителя: трудъ не увѣнчается успѣхомъ. Нѣтъ спору, что въ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, особенно у пророковъ, разсѣяны отдѣльныя черты Мессіанскаго Лица, но вопросъ, вѣдь, не въ нѣкоторыхъ только чертахъ, а въ изображеніи цѣлаго живаго Лица Богочеловѣка,—къ чему апостолы были рѣшительно неспособны.

Въ самомъ дѣлѣ, прочитайте Евангеліе, и вы воочію убѣдитесь, насколько Христосъ возвышался надъ самыми высокими изъ апостоловъ, чтобы не считать послѣднихъ способными къ идеализаціи якобы простого человѣка въ Богочеловѣка. Вотъ, напримѣръ, первоверховный Петръ начальникъ «прерѣпти» своему Учителю въ разсужденіи искупительныхъ Его страданій и получаетъ достойное возмездіе въ словахъ Христовыхъ: «отойди отъ Меня, сатана» Мк. XVI, 22. 23. Сыновьямъ Зеведеевымъ, мать которыхъ просила Спасителя спосадить ихъ по правую и по лѣвую Его руку въ царствіи небесномъ, Онъ отвѣчаетъ: «не вѣста, чесо просита» Мк. XX, 22. По свидѣтельству Ев. Луки XXIV, 21. 22, апостолы вообще не разумѣли того, что Христу надлежало пострадать, и «слово крестное» «было закрыто отъ нихъ, такъ что они не постигали его». На горестныя разсужденія еммаусскихъ путниковъ Господь отвѣчаетъ также горестнымъ укоромъ: «о, несмыслиліе и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки» Лк. XXIV, 25. «Не ваше дѣло», замѣчаетъ Воскресшій Своимъ ученикамъ, «знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ во власти Своей» Дѣян. 1, 7.

«Отступи отъ меня, Господи», взыметъ послѣ обильного лова рыбы первоверховный апостолъ къ необыкновенному Чудотворцу, «ибо я человѣкъ грѣшный» (Лк. V, 8). Другой апостолъ, несчастный Іуда предатель, терзаемый укорами пробудившейся совѣсти, возвращается первосвященникамъ сребреники со словами: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную... И, бросивъ сребреники, удавился» (Мо. XXVII, 4—5). Поразительное впечатлѣніе, производимое на людей святымъ Учителемъ, можно сказать, не оставляло ихъ ни днемъ, ни ночью и заставляло ихъ жить Его радостями, а еще болѣе Его скорбями. «Не дѣлай ничего Праведнику тому», умоляетъ язычница своего супруга, «потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него» (Мо. XXIII, 19), и самъ игемонъ, послѣ тщетныхъ усилий оправдать невиннаго Страдальца, нашель необходимымъ торжественно отречься отъ всякаго соучастія въ воплющемъ злодѣяніи. Возливъ воду, онъ «умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: не виновенъ я въ крови Праведника сего» (—24). Распятый со Христомъ благоразумный разбойникъ, человѣкъ, не смотря, быть можетъ, на многочисленныя злодѣянія, вспомнившій о Богѣ въ часы своихъ ужасныхъ страданій (Лк. XXIII, 40), обращается теперь съ горячей молитвой не къ тому Богу, Котораго призывалъ до настоящаго времени, но въ униженномъ, осмѣянномъ и поруганномъ всѣми Страдальцѣ признаетъ воплощенаго Искупителя-Бога: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Си» (—42). Озаренные Св. Духомъ галилейскіе рыбари неустранимо проновѣдали всему миру о Распятомъ Царѣ славы (Дѣян. I, 8), и еще изъ апостольского вѣка мы имѣемъ очень важное свидѣтельство проконсула Плінія о томъ, что современные ему христіане имѣли обыкновеніе на своихъ богослужебныхъ собраніяхъ петь гимнъ Христу, какъ Богу: *sicutque Christo, quasi Deo dicere*¹⁾.

«Большій изъ рожденныхъ женами» Мѣ. XI, 11, *Св. Іоаннъ Предтеча*, «свидѣтельствуетъ» объ Иисусѣ словами: «Сей былъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня» Іоан. I, 15. Видя грядущаго къ нему Иисуса, Предтеча говоритъ: «се, Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра»—29. «Я не зналъ Его; но для того пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ

¹⁾ *О. Евангелії. О Спасителѣ и о спасеніи.* Сиб. 1899. Стр. 18.

явленъ бытъ Израилю» — 31. «Сей есть Сыпъ Божій» — 34. — Требовать болѣе рѣшительнаго и болѣе яснаго свидѣтельства о Божествѣ Спасителя, по сравненію съ приведеннымъ, невозможно. За подозрить его подлинность нѣть никакихъ достаточныхъ основаній, напротивъ, въ виду другихъ указаний изъ Евангелия Мо. III; XI, 1—20; XXI, 32; Mr. I, 1—11; Лк. III, 1—18; XX, 1—8 и мн. др., необходимо принять его въ качествѣ драгоцѣннѣйшаго документа, имѣющаго очень важное значеніе для нашей цѣли. Важный по существу дѣла онъ важенъ еще и по своему происхожденію. Что бы возвѣстить пѣнность послѣдняго обстоятельства, слѣдуетъ помнить, что Иоаннъ, по свидѣтельству *Государа Флавія*¹⁾, былъ такой знаменитый проповѣдникъ, къ которому «многіе стекались отовсюду и въ очень сильной степени — ἐπὶ πλεῖστον» — были возбуждены его проповѣдью; они не задумались бы все исполнить по его совѣту». Предъ нравственнымъ величиемъ Крестителя блѣднѣло политическое могущество тетрарха. «Иродъ боялся Иоанна», по словамъ евангелиста, «зная, что онъ мужъ праведный и святой» Mr. VI, 20. Не задолго до Своихъ крестныхъ страданій Спаситель отражаетъ лукавое совопросничество Своихъ враговъ краткимъ вопросомъ о происхожденіи Иоаннова крещенія,—и у нихъ мгновенно пропадаетъ прежняя рѣшимость схватить Господа Мо. XXI, 26. Аγαθὸν ἔχοντα называетъ Предтечу іудейскій историкъ²⁾, и, какъ бы не желая отстать отъ послѣдняго, позднѣйшіе писатели титулуютъ пророка именемъ «великаго священника³⁾.

Пусть теперь каждый безпристрастный читатель судить, основываясь на приведенныхъ данныхъ, о важности Иоаннова свидѣтельства въ пользу Богочеловѣчества Христа-Спасителя, а также подумаетъ и о выборѣ между двумя свидѣтелями: Крестителемъ и Толстымъ. Довольно неожиданная и вмѣстѣ происходящая изъ существа дѣла дилемма, выходъ изъ которой становится легкимъ и даже приятнымъ, благодаря, именно, сопоставленію «свѣтильника Свѣта» съ Его гасителемъ, чтобы не выразиться сильнѣе въ виду апостольского увѣщанія: «всякій духъ, который не исповѣдуется Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста» 1 Ioan. IV, 3.

¹⁾ Ant. XVIII; 5, 2.

²⁾ I. Flav. Ant. XVIII; 5, 2.

³⁾ Flav. Op. ed. Havercamp. t. II. Suppl. p. 367.

Не будемъ умножать ссылокъ: довольно и приведенныхъ для совершенного убѣжденія въ непричастности Апостоловъ къ подозрѣваемой идеализаціи Лица Христа - Спасителя. На это нѣтъ ни историческихъ, ни психологическихъ данныхъ, и развѣ только для пустой забавы въ такомъ серьезномъ дѣлѣ кто-либо сталь бы ссылаться на другихъ возможныхъ живописателей. Кто-же эти другие? Мужи апостольскіе? Апологеты? Свв. Отцы и учителя церкви? Историки? Сколько угодно можно именовать мнимыхъ вкладчиковъ въ идеальное содержаніе Евангелія и, всетаки, ни разу не удается, по выше-приведеннымъ соображеніямъ, удостовѣрить дѣйствительность фантастической идеализаціи. Не споримъ: буддисты и мусульмане впослѣдствіи времени павизали Буддѣ и Мухаммаду своего рода безгрѣшность. Но что это за извращеніе самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, что это за карикатура безгрѣшности, заднимъ числомъ приписанная къ счету безчисленныхъ прогрѣшшій религіозныхъ реформаторовъ! И въ какомъ вопиющемъ противорѣчіи даже и такая безгрѣшность находится къ грѣховнымъ обликамъ упомянутыхъ лицъ! Вѣдь памъ дороги не произвольные вымыслы, а та историческая *правда*, та исторія, которая повѣствуетъ о дѣйствительно происшедшемъ, а не о какихъ-то миоахъ.

Если же ни апостолы и ни кто-либо иной не могли искусственно создать идеальный образъ Христа, если для этого нѣтъ никакихъ подходящихъ историческихъ аналогій, и если, далѣе, Самъ Христосъ, будь Онъ обыкновенный смертный, рѣшительно не могъ изъ несовершенного сдѣлаться безгрѣшнымъ, и въ Немъ, какъ по безгрѣшиномъ, не могло родиться сознаніе Своей безгрѣшности и необыкновенной близости къ небесному Отцу, то мы стоимъ предъ слѣдующей альтернативой: Христосъ былъ или обманщикъ или Богочеловѣкъ. Первый исходъ рѣшительно невозможенъ въ силу несогласимости обмана съ поразительнымъ нравственнымъ совершенствомъ Христа; слѣдовательно, остается признать, что предъ нами не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ.

Послѣ этого сама себя изобличаетъ въ несостоятельности ссылка раціоналистовъ всѣхъ направлений включительно до Толстого, на яко бы просто-человѣческое происхожденіе Христа. Очевидная нелѣпость этой ссылки усугубляется еще тѣмъ отвратительнымъ цинизмомъ, съ какимъ Л. Толстой, такъ сказать, вскрываетъ и распластываетъ тайну безмужнаго зачатія

и рождениі Спасителя. Въ „Соединеніи и переводѣ четырехъ Евангелій“¹⁾ Толстой выражается такъ: „была дѣвица Марія... Отъ нея-то и неизвѣстнаго отца родился мальчикъ“. Извѣстный вождь современаго монизма, проф. Геккель, въ своемъ антихристіанскомъ сочиненіи «Die Wehrathsel»²⁾ однимъ почеркомъ пера новѣльвастъ неизвѣстному родителю имѣловаться «Іосифомъ Пандерой, римскимъ сотникомъ калабрійскаго легіона, стоявшаго въ Гудеѣ». Такъ „дѣлаютъ исторію“ съ пошлою развязностью бульварныхъ гаевъ, забывая о самыхъ первоначальныхъ правилахъ благопристойности. И хотя бы эта басня была оригинална! Но въ ней ить даже и тѣни новизны, а только повторяется гнусная іудейская клевета па Христа, пашедшая себѣ мѣсто въ нападкахъ извѣстнаго Цельса, но за то и блестящее опроверженіе въ сочиненіи Оригена *Contra Celsum*³⁾. Мы выше сказали о важности свидѣтельства самосознанія вообще и, обѣ исключительномъ значеніи, Богочеловѣческаго самосознанія Христа-Спасителя для правильнаго сужденія о достоинствѣ человѣка вообще и о божественномъ достоинствѣ Искупителя въ частности.

Въ нашъ вѣкъ эмпирическаго знанія ученые до того преувеличиваютъ значеніе разсматриваемаго фактора, что даже обезъянѣ навязываютъ человѣческую родословную. Но вотъ и оборотная сторона медали. Прѣдъ однимъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей сіаетъ, какъ солнце, богочеловѣческое самосознаніе, и, казалось бы, стоило подумать обѣ этомъ изъ ряда вонъ выходящемъ явленіи, стоило оцѣнить его, что бы не пробавляться низменнымъ вымысломъ іudeевъ, этихъ заклятыхъ христоненавистниковъ. Но, видно, одно говорить логика мысли, а другое творится въ дѣйствительной жизни,— Христу, наперекоръ всякимъ научнымъ даннымъ и здравому смыслу и, какъ бы на зло исторіи, пашли родителя... какого-то безчестнаго авантюриста-легіонера. Ноистинѣ, сбылось пророческое: «родъ же Его кто исповѣсть» Ис. ЛIII, 8.

Спросимъ теперь самихъ себя: имѣемъ-ли мы достаточное основаніе считать взглядъ Толстого на Христа нелѣпостью и вѣровать во Христа, какъ въ единороднаго Сына Божія? Утвердительное «да» съ нашей стороны, думается,

¹⁾ Издание Элпидина. Т. I. Genève. 1892. Стр. 43.

²⁾ Вопи. 1900. 5-te Aufl. S. 378.

³⁾ Lib. I, с. 32. См. также *Baur'a Kirchengeschichte*. 3-te Ausg. Tübing. 1863. S. 385.

будеть единствено правильнымъ отвѣтомъ на вопросы, и
что бы ни говорили отрицатели, мы съ чистой совѣстью и съ
разумными доводами должны и будемъ испоколебимо испо-
вѣдывать догматъ Христова Богочеловѣчества: «вѣрю, Господи,
и исповѣду, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога
живаго, пришедый въ міръ грѣшныхъ спаси, отъ нихже пер-
вый есмь азъ!» И посл. ко св. прич. Мол. 12.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О чудесахъ Христовыхъ.—Церковь и ея необходимость для спасенія.—
Разборъ изображенія гр. Толстого.

Если Христосъ есть не только человѣкъ, но и Богъ, то само собою понятно, что этимъ обстоятельствомъ уже напередъ предрѣшается въ теистическомъ смыслѣ вопросъ о чудесахъ. Они не только возможны и необходимы, но и дѣйствительны. Совершившіяся Христомъ во время Его земной жизни, они совершаются и теперь какъ въ цѣломъ мірѣ, такъ и въ микрокосмѣ каждого изъ нась. Не то удивительно, что Христосъ творить чудеса, но то было бы неудобопостижимо и непріемлемо, если бы Онъ не творилъ чудесъ. Стремясь объяснить все сущее изъ дѣйствующихъ причинъ, естествоиспытатели воображаютъ, что обойдутся безъ чудесъ. И, дѣйствительно, гдѣ дѣло касается религіи, тамъ противники ратуютъ противъ чудесъ. А, между тѣмъ, сами же сплошь и рядомъ легко вѣрно допускаютъ рядъ одно другого необычайнейшихъ и неразумнѣйшихъ чудесъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое вѣчное движение атомовъ, что такое самопроизводимое зарожденіе, выдѣленіе изъ мозга мысли, что представляютъ собою самые атомы, какъ не своего рода чудо чудесъ? И замѣчательное явленіе! Въ послѣднемъ случаѣ наука ни слова противъ чудесъ. Почему? Да они ей нужны, безъ нихъ она исчезнетъ съ лица земли. Но если наукѣ, доступной только аристократіи человѣчества, такъ необходимы чудеса — пеосновательныя гипотезы, нѣкоторыя изъ которыхъ блестящѣе отвергнуты, наприм., Дю-Буа-Реймономъ, Вирховымъ, Шѣле-

ромъ, Штейде, Данилевскимъ и др.¹⁾) защитниками безпристрастного знанія, то что же сказать о необходимости истинныхъ чудесъ для науки всѣхъ наукъ — для христіанской жизни, по существу своему являющейся уже чудомъ, ибо сами мы, по природѣ, — «чада гнѣва Божія», и, если дѣлаемся чадами любви, то благодаря только чудеснымъ дѣйствіемъ спасающей благодати. Чѣмъ же и великъ былъ бы геній, если бы онъ творилъ одно заурядное? Что же поистинѣ Божіаго было бы и во Христѣ, если бы Онъ не совершалъ дѣлъ, превосходящихъ самый геніальный умъ и самыя смѣлые ожиданія? Но Сынъ Божій «доселѣ дѣлаетъ», и однимъ изъ важнейшихъ дѣлъ Его является созданіе Имъ христіанской церкви: «созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей» Мо. XVI, 18. Замѣтательно обстоятельство! Христосъ изрекаетъ обѣтованіе о церкви вслѣдъ за Петровымъ исповѣданіемъ Его, какъ Сына Бога живаго, и этимъ самымъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Церковь *необходима* для правильного исповѣданія Бога (ибо кто отвергаетъ Сына, тогдѣ отвергаетъ и Пославшаго Его) и что, слѣдовательно, она не есть случайное явленіе. Да и какъ допустить случайность или произволъ въ бытіи такого великаго, всему миру известнаго и лучшаго изъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ учрежденій, какимъ служить христіанская Церковь? Даже въ сферѣ естественныхъ отношеній совсѣмъ не случайнымъ является существованіе сель съ городами и цѣлыхъ государствъ. Люди *по природѣ* предрасположены къ общественной совмѣстной жизни, ибо только соединенными силами могутъ достигать значительныхъ успѣховъ своихъ предпріятій. Противъ этого возражать невозможно; такова аксиома человѣческой жизни. Притомъ, чѣмъ выше развитіе людей, тѣмъ больше въ нихъ и сознаніе своей солидарности, такъ — что послѣднимъ можно безошибочно измѣрять культурный ростъ народовъ и обществъ. Но если люди такъ нужны одинъ другому въ житейскихъ отношеніяхъ, когда дѣло касается проходящихъ благъ, то какъ же имъ не испытывать нужды во взаимообщеніи, какъ не проникнуться истинно-родственными чувствами и не составить

---

¹⁾ *Du Bois-Reymond.* Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Die Sieben Welträthsel. Zwei Vorträge. Leipz. 1898. — *Schoeler.* Probleme. Kritische Studien über den Monismus. Leipz. 1900. — *Steude.* Die monistische Weltanschauung. Gütersloh. 1898.

братства, когда дѣло касается не временного, а вѣчного божества или страданія? Совершенно превратна, пагубна и рѣшительно враждебна христіанской религіи мысль Толстого, будто каждый долженъ спасаться одинъ, самъ по себѣ, а церковь — только задерживаетъ нормальный ростъ вѣры. Совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на дѣло Христосъ. По Своемъ воскресеніи Онъ „собиралъ“ апостоловъ вмѣстѣ и Онъ же повелѣлъ имъ не идти съ проповѣдью, а предварительно «не отлучаться изъ Иерусалима» Дѣян. I, 4, и они «при наступленіи дня Пятидесятницы всѣ были единодушно *вънѣстны*» Дѣян. II, 1. Это совмѣстное ихъ нахожденіе — отнюдь не случайный, а такой знаменательный фактъ, который рѣшительно свидѣтельствуетъ о необходимости христіанской церкви для роста нашей вѣры и для нашего спасенія. Вотъ почему и въ кондакѣ Пятидесятницы воспѣвается: «егда снизшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышиній; егда же огненные языки раздаяше, *въ соединеніе* вся призыва» — едва ли «съ коммерческою цѣлью», которая гдѣ-то мерещится одному изъ авторовъ страннаго письма, недавно появившагося въ одномъ изъ почтенныхъ нашихъ духовныхъ журналовъ¹⁾). Спаситель есть воплощенная любовь, такъ какъ «Богъ любы есть» по словамъ Ев. Иоанна (I, IV, 16), а любовь не терпитъ религіознаго эгоизма, но стремится къ зaimообщенію, ибо только посредствомъ него она находить свое полное выраженіе. Христосъ принесъ на землю полное откровеніе о Богѣ, совершенную вѣру въ милостиваго небеснаго Отца; но можетъ ли увѣровавшій таинъ только въ себѣ самому сокровище вѣры, благовѣстіе о спасеніи *всѣхъ* людей, и скорѣе не уподобиться ли онъ приточнай женщинѣ, которая, нашедъ потерянную драхму, созываетъ своихъ подругъ и сосѣдей и говорить имъ: «радуйтесь со мною, яко обрѣтохъ драхму погившую»? Лк. XV, 9. Такъ, уже по существу христіанского откровенія и душевнаго устроенія человѣка, церковь является наиболѣе благопріятной почвой, въ которой возращается зерно христіанской вѣры. Не даромъ Спаситель обѣщалъ Свое пребываніе именно тамъ, «гдѣ двое или трое собрались во имя Его» Мк. XVIII, 20.

¹⁾ «Вѣра и разумъ». 1091 г. № 8: «Два характ. письма, присланныхъ Преосв. Амвросію, Арх. Харьковскому».

Подобно тому, какъ въ обыкновенныхъ обществахъ люди нуждаются одинъ въ другомъ, такъ и въ церкви Христовой одинъ воспособляется другимъ и, въ свою очередь, служить другому,—вѣрююще подлинно носять «тяготы другъ друга» Гал. VI, 2. Извѣстно апостольское уподобленіе церкви человѣческому тѣлу, состоящему изъ различныхъ членовъ, имѣющихъ—каждый въ отдѣльности—определенное назначеніе—служить на общую и затѣмъ уже на свою частную пользу. «Ибо какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже дѣло: такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены». Рим. XII, 4, 5. «Не можетъ глазъ сказать руки: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. На-противъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣшими, гораздо нужнѣе. И которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ поисченія» 1 Кор. XII, 21—23. Не даромъ сами толстовцы—отрицатели церкви соединенными силами пропагандируютъ свое ученіе и успѣхъ своего религіознаго дѣла обезпечиваютъ устроеніемъ жизни на общинахъ началахъ. Что это такое, какъ не свидѣтельство естественной человѣческой души въ пользу бытія церкви? Подлинно, *anima naturaliter christiana*. И что такое представляютъ собою эти забавныя колоніи толстовцевъ, какъ не своего рода церкви, хотя, къ сожалѣнію только «церкви лукавнующихъ»? Пс. XXV, 5.

Подобно многочисленнымъ своимъ предшественникамъ, Толстой возстаетъ противъ христіанской церкви, смѣясь думать, по крайнему недоразумѣнію. Это послѣднее состоить въ столь обычномъ смѣшеніи эмпирической стороны предмета съ идеальной. Видѣть люди яѣкоторое разногласіе между означенными сторонами и протестуя противъ, напримѣръ, злоупотребленій и нестроеній въ церкви, отрицаютъ и необходимость самой церкви. Не логичность такихъ сужденій сама себя изобличаетъ. Разсуждать такъ значить отрицать необходимость огня, потому что отъ неумѣлаго обращенія съ нимъ происходятъ пожары;—необходимость лѣкарствъ, въ виду частыхъ случаевъ отравленія ими; необходимость науки, такъ какъ многіе употребляютъ знанія во зло и т. д. Но *ab iusus non tollit usum*. И если бы всѣ усвоили себѣ толстовскую логику, то, думается, христіанская церковь давнымъ давно исчезла бы съ лица земли, можетъ быть, ее упразднили бы

сами же непосредственные ученики Христовы, при жизни которыхъ уже начались нѣкоторыя нестроенія въ церкви, о чемъ и читаемъ въ ап. посланіяхъ, напр. Іак. IV, 1; 1 Іо. IV, 1; 1 Кор. XV, 34; Гал. III, 1 и др. Но неложно Христово обѣтованіе: «врата адова не одолѣютъ ей» Мо. XVI, 18. Эмпирическая дѣйствительность можетъ быть мрачна, какъ темная ночь; страшные ураганы, сколько угодно, могутъ обуревать св. церковь; какіе угодно сильные «полки чужихъ» могутъ нападать на нее, и, все-таки, она пребудетъ непоколебимою и не тронутую въ своей сущности. Господь Богъ попускаетъ врагу нашего спасенія колебать церковь въ ея историческомъ проявленіи и какъ бы говорить ему словами кн. Іова I, 12: «вотъ она въ руکѣ твоей», внѣшняго ея касаіся, но дальше не прейдеші. Мы выражаемъ только голосъ церковнаго сознанія, древняго, какъ сама христіанская церковь, сильно заявляющаго себя, напримѣръ, въ слѣд. словахъ Св. Феофила епископа Антіохійскаго: «Подобно тому, какъ въ морѣ находятся обитаемые, изобилующіе здоровою водою и плодоносные острова, имѣющіе пристани и гавани для того, чтобы обуреваемые находили въ нихъ пристанище: такъ Богъ даровалъ волнищемуся и обуреваемому грѣхами миру синагоги, т. е. святая церкви, въ которыхъ, какъ бы въ благоустроенныхъ пристаняхъ на островахъ, сохраняются ученія истины. Къ нимъ прибѣгаютъ хотяще спастись, возлюбивши истину и желающіе избѣжать гибели и суда Божія» ¹⁾.

---

1) Ad Antol. II, n. 4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Учение Христа объ общественной молитвѣ и о шестой Заповѣди.—
Заблужденіе гр. Толстого.

«Я дѣйствительно отрекся отъ Церкви», заявляетъ гр. Толстой въ своемъ «Отвѣтѣ» на постановленіе Св. Синода. Но «прежде чѣмъ отречься отъ Церкви и единенія съ народомъ..., теоретически я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи церкви...; практически же строго слѣдовалъ въ продолженіе болѣе года всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія» ¹).

Первое положеніе Толстого ясно, какъ солнце. Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что онъ «отрекся отъ Церкви». Но мотивы отреченія графа очень слабы. Особенно поражаетъ этотъ «болѣе года» продолжавшійся практическій искусъ графа. Невольно подумаешь: какая насмѣшка надъ дѣломъ—ссылаться на такой краткій срокъ испытанія человѣку, долгіе годы коснѣющему въ своихъ мудрованіяхъ! Другіе чуть не цѣлую жизнь терпѣливо борются съ обуревающими ихъ сомнѣніями, невыразимо тяжко страдаютъ, непрестанно плачутъ о грѣхахъ и молятъ Бога объ ихъ прощеніи,—и все-таки, не отступаютъ отъ Церкви, этой, по словамъ св. Кипріана, «непорочной и стыдливой невѣсты Христовой» ²), укрѣпляемые

¹) Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля 1901 г. и на полученные имъ по этому поводу письма. 2-е приложеніе къ № 13 «Свободной мысли». Изд. Р. Birakoff. Onex près Genève, р. 5.

²) *Cypri. Opp. recogn. et illustr. per I. Oxon. ep. Oxon. 1682. f. 109.*

свыше обътованіемъ: «побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни» Апок. II, 7. Такъ, наприм., бл. Геронимъ съ потрясающимъ краснорѣчіемъ описываетъ свои аскетические подвиги въ сирійской пустынѣ, гдѣ онъ былъ Scorpionum tantum socius et feragum и гдѣ дни и ночи напролетъ проводилъ въ слезныхъ молитвахъ, борясь съ своею природою, пока не вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы ¹⁾). А подвиги Антонія Великаго, съ неподражаемымъ драматизмомъ описаные Флоберомъ? А полная лишеній жизнь Павла Оївейскаго, Иларіона и Пахомія и другихъ многочисленныхъ подвижниковъ? Чѣмъ иное представляютъ ихъ «Житія», какъ не обличеніе измѣнъ Толстого «практическому слѣдованію» предписаніямъ Церкви? ²⁾). Въ другихъ случаяхъ тотъ же человѣкъ съ неистощимой энергией преслѣдуєтъ свои цѣли. Но вотъ дѣло коснулось религіи,—и по истеченіи какогонибудь года времени истощаются силы. Именно «оскудѣша крѣпцы вавилонстіи, еже ратовати» Іер. LI, 30.

Что касается заявленія графа о томъ, что онъ «перечиталъ все» объ ученіи церкви, то замѣтимъ прежде всего одно, что графъ Толстой не читалъ, какъ слѣдуется, самаго главнаго, а, именно, Евангелія, иначе онъ не утверждалъ бы, наприм., того, будто «общественная молитва прямо запрещена Христомъ» ³⁾). Будь дѣйствительно запрещена Христомъ такая молитва, то Онъ не преподалъ апостоламъ слѣдующаго наставленія: «истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго, ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ» Мк. XVIII, 19—20. «Истинно, истинно говорю вамъ: о чёмъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ» Ио. XVI, 23. Рѣчь идетъ, очевидно, объ *общественной* молитвѣ, ибо обращена къ апостоламъ, собраннымъ на тайной вечери «Молитесь», говорить Спаситель въ Геѳсиманіи апостоламъ, «что бы не впасть въ искушеніе» Лк. XXII, 40. Не сказалъ Господь: разойдитесь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ геѳсиманскаго сада, и тамъ каждый изъ васть, т. е. апостоловъ, пусть мо-

¹⁾ Hieron. ep. 18. ad Eustoch.

²⁾ См. прекрасн. выдержку изъ творен. «целожн. свидѣтеля» въ «Богосл. акад. Чтеніяхъ» Прѣосв. Ioanna, стр. 244—245.

³⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постан. Син. стр. 15.

ится, какъ ему заблагоразсудится. Нѣть, смыслъ Христовыхъ словъ ясенъ: молитесь вмѣстѣ всѣ, сколько васъ есть, увѣщаешь Онъ апостоловъ не къ частной, но къ общественной молитвѣ. Преподавая имъ образецъ молитвы — «Отче нашъ», — Господь предполагаетъ не иное, какъ именно общественное моленіе, равно и ученики просили Его: «научи насъ молиться». «Онъ сказалъ имъ: когда молитесь говорите: Отче нашъ «сущій на небесахъ» Лк XI, 1—2. Едва ли умственному взору апостоловъ и Самого Христа при этомъ предносились двѣнадцать камеръ, въ каждой изъ которыхъ находившійся молитвенникъ, «затворивъ дверь свою» Мѳ. VI, 6, уединенно читалъ прошенія чудной молитвы.

Справедливо пишетъ объ этомъ св. Кипріанъ Каркасскій: «Учитель мира и Наставникъ единства не хотѣлъ того, чтобы молитва совершилась въ одиночествѣ и частно, такъ, чтобы каждый, когда молится, молился бы только за себя. Ибо мы говоримъ: „Отче мой, Иже еси на небесахъ“, и не говоримъ: „хлѣбъ мой дааждь ми днесъ“; каждый изъ насъ не просить объ оставленіи только своего долга, не молится объ одномъ себѣ, чтобы не быть введеннымъ въ искушеніе и избавиться отъ лукаваго. У насъ всенародная и общая молитва, и, когда мы молимся, то молимся не за одного, но за весь народъ, потому — что мы, весь народъ, составляемъ одно»¹⁾.

Гдѣ же спрашивается въ Евангеліи дано указаніе объ этой «общественной, прямо запрещенной Христомъ, молитвѣ»? Въ VI, 5—13 Евангелія отъ Матея. Въ Мѳ. VI, 5—13 Спаситель только наставляетъ вѣрующихъ насчетъ частной молитвы, лучше всѣхъ насъ, конечно, предвидя такие случаи, когда каждый изъ вѣрующихъ можетъ быть поставленъ въ невозможность присутствовать за общей молитвой. Но преподавать наставленіе насчетъ частной молитвы совсѣмъ еще не означаетъ запрещенія молитвы общественной. Изъ того, что школьникъ можетъ заниматься и дома вѣдь не вытекаетъ требованіе касательно закрытія школы. Частнымъ отнюдь не отвергается общее, какъ, наоборотъ, общимъ не отрицается, а предполагается частное. Одно нужно другому.

Толстой не хочетъ знать этого раздѣленія, а потому и допустилъ крупную передержку въ толкованіи еще другого

¹⁾ Cyprian. De orat. Dom. f. 141.

мѣста изъ Нагорной проповѣди насчетъ шестой заповѣди Мт. V, 21, 22. Прежде чѣмъ давать новозавѣтное толкова-
ніе синайской заповѣди, а также въ вышеуказанномъ инте-
рѣсѣ разграниченія между частнымъ и общимъ, обратимся
ко времени синайскаго законодательства. Какъ извѣстно,
заповѣди десятословія Моисей получилъ, такъ сказать, изъ
рукъ Самого Іеговы Исх. XX, 21 и, стало быть, лучше
всякихъ законниковъ и критиковъ разумѣль ихъ смыслъ и,
въ особенности, требование шестой заповѣди: «Не убій»
Исх. XX, 13. И что же видимъ потомъ? Самъ же Моисей,
этотъ человѣкъ «Кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ»
Числ. XII, 3, именемъ Господнимъ повелѣваетъ, наприм.,
побить камнями одного «человѣка, собиравшаго дрова въ
день субботы» Числ. XV, 32, 36. Самъ же Моисей слышитъ
повелѣніе Іеговы: «враждуйте съ Мадіанитянами и поражайте
ихъ» Числ. XXV, 17. Какимъ образомъ «кротчайшій» вождь
израильтянъ, вопреки, повидимому, прямого запрещенія
убивать, даетъ такое повелѣніе народу: «вооружите изъ себя
людей на войну, чтобы они пошли противъ Мадіанитянъ»?
Числ. XXXI, 3. Одно изъ двухъ: или Моисей исказилъ
смысл заповѣди, — что по всѣмъ соображеніямъ невозможно, —
или ее нужно толковать не по герменевтику Толстого. Ду-
мается, что послѣдняя не можетъ называться «Здравою». —
Далѣе. Въ числѣ тысячи кающихся на берегахъ Йордана
были и воины. «Что намъ дѣлать? спрашивали они у Пред-
течи. Естественно было бы ожидать такого отъ него отвѣта:
«не воюйте, а передѣлайте мечи на орала», тѣмъ болѣе,
что послѣдній совѣтъ преподаетъ цитируемый самимъ Крести-
телемъ, хотя и по другому слушаю, пророкъ Исаія II, 4.
Между тѣмъ Креститель увѣщаетъ воиновъ «никого не
обижать, не клеветать и довольствоваться своимъ жало-
ваньемъ» Лк. III, 14, — опять увѣщеніе совсѣмъ не въ духѣ
Толстого.

Если мы возьмемъ тотъ же предметъ въ болѣе широкомъ
масштабѣ, то, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ пѣмец-
кихъ теологовъ, «мы встрѣтимся здѣсь (рѣчь идетъ о правѣ
и о судахъ) съ двумя различными возврѣніями. Одно — въ
послѣднее время его защищаетъ особенно лейпцигскій проф.
Зомъ¹⁾), соприкасающійся съ Толстымъ — учить, что духов-

¹⁾ Sohm, Kirchenrecht. Bd. I. Die geschichtl. Grundlagen. 1892.

ный міръ по своему существу находится въ противорѣчіи съ сущностью права; правовые порядки возникли въ церкви въ противоположность къ Евангелію и основывающейся на немъ общинѣ. Зомъ зашелъ такъ далеко, что въ своемъ обзорѣ древнѣйшаго развитія церкви отмѣщаетъ своего рода грѣхопаденіе христіанства съ того момента, когда оно приняло въ себя правовыя учрежденія. Впрочемъ Зомъ оставилъ право неприкосновеннымъ въ своей области. За то Толстой во имя Евангелія все право сводить къ нулю. Онъ учитъ, что, по требованію высочайшей евангельской заповѣди, никогда не слѣдуетъ отстаивать свое право, и что никто, даже и сама власть, не долженъ оказывать вѣнѣшнее противленіе злу». Оставляя въ сторонѣ своего нѣмецкаго коллегу, цитируемый теологъ такъ подходитъ къ опроверженію Толстого. «Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ угнетенные и бѣдные въ израильскомъ народѣ взывали о своемъ правѣ. Въ пророческихъ словахъ, а также и въ моленіяхъ псалмопѣвца еще и теперь мы слышимъ этотъ раздирающій вопль, котораго въ то время не слышали. Тогда не существовало такого правового порядка, который не состоялъ бы подъ властью всемогущихъ тиранновъ и не былъ бы ими извращаемъ по произволу и въ своекорыстныхъ видахъ. Поэтому, говоря о правовыхъ установленияхъ, обѣ исполненіи законовъ и обѣ отношеніи къ нимъ Иисуса, мы не должны мгновенно переноситься къ нашимъ правовымъ отношеніямъ, возросшимъ отчасти на христіанской почвѣ. Иисусъ находился въ такомъ народѣ, большая половина поколѣній котораго тщетно требовала своего права, а если и вѣдала его, то развѣ только въ видѣ насилия. Въ такой націи неизбѣжно должно было родиться отчаяніе въ существованіи права вообще; — отчаяніе какъ въ отношеніи возможности получить удовлетвореніе праву на землѣ, такъ — въ обратномъ направлениі — и въ разсужденіи нравственной позволительности права. Отголосокъ такого настроенія можно слышать и въ Евангелии. Но — это второе, и служить коррективомъ упомянутаго настроенія: Иисусъ, а съ Нимъ и всѣ истинно-благочестивые, былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что правду творить въ концѣ концовъ Самъ Богъ. Если Онъ не творить ее здѣсь, то творить тамъ, и это самое главное. Въ такомъ контекстѣ идея права въ смыслѣ праведнаго возмездія является въ очахъ Иисуса не такою, которую должно отвергнуть, но высокою и домини-

рующею идею. Она есть функція величія Божія. Въ какой степени она видоизмѣняется Его милосердіемъ, объ этомъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Слѣдовательно, совершенно невѣрно предполагать, будто Іисусъ пренебрежительно отзывался о правѣ, какъ таковомъ, и о правосудії. Наоборотъ, всякому должно воздаться свое и, даже еще болѣе: ученики Христовы сами со временемъ будутъ участвовать въ судѣ Божіемъ и судить міръ. Только такое право, поскольку оно проводилось насилиемъ и потому оказывалось несправедливостью, право, которое—въ видѣ тиранническаго и кроваваго рока—тяготѣло подъ народомъ, устранилъ Онъ. Но въ истинное право Онъ вѣрилъ и былъ увѣренъ въ томъ, что оно найдетъ себѣ осуществленіе; Онъ такъ сильно былъ въ этомъ увѣренъ, что не допускалъ мысли, будто право должно прибѣгать къ помощи насилия, чтобы оставаться правомъ.

Это приводитъ насъ къ послѣднему слову. Мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ Христовыхъ изречений, въ которыхъ Онъ увѣщалъ Своихъ учениковъ отречься отъ всякаго требованія права и, такимъ образомъ, отказаться отъ своего права. «Не противься злому. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Здѣсь, повидимому, выставляется такое требованіе, которымъ осуждается право и расторгается правовая жизнь... Противъ этого необходимо замѣтить слѣдующее: 1) Іисусъ, какъ мы видѣли, былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Богъ творить судъ и правду; слѣдовательно, напослѣдокъ побѣдить не насильникъ, но угнетенный будетъ оправданъ; 2) земные права сами по себѣ — маловажное дѣло; потерять ихъ не значить потерпѣть большое лишеніе; 3) обстоятельства настолько прискорбы, несправедливость такъ усилилась на землѣ, что притѣсняемый не можетъ добиться правды, хотя бы и пытался сдѣлать это; 4) — и это самое главное,—какъ Богъ производить судъ вмѣстѣ съ милостью и повелѣвать Своему солицу восходить надъ злыми и благими, такъ и ученикъ Христовъ долженъ относиться къ своимъ врагамъ съ любовью и обезоруживать ихъ кротостью. Таковы мысли, лежащія въ основѣ вышеприведенныхъ изречений и поясняющія ихъ смыслъ. Теперь, содержащееся въ нихъ требованіе есть ли подлинно настолько премірное, не-

возможное? Не наставляемъ ли мы даже и въ кругу семьи и друзей нашихъ присныхъ поступать, именно, такъ и не воздавать злому за зло и поношениемъ за поношение? Какая семья, какой союзъ можетъ состоять, если бы каждый захотѣлъ преслѣдоватъ здѣсь только свое право, если бы онъ не научился отказаться отъ него даже и при поснагательствѣ? Иисусъ смотритъ на Своихъ учениковъ, какъ на дружескій кружокъ, а дальше, за границами его, видить уже братскій союзъ, имѣющій со временемъ оформиться и расширяться. Но должно ли и въ виду врага, во всѣхъ случаяхъ, отказаться отъ преслѣдованія своего права, слѣдуетъ ли прибѣгать исключительно къ орудію кротости? Должно ли начальство не наказывать и вмѣстѣ исчезнуть съ лица земли? Должны ли народы махнуть рукой на защиту собственности въ случаѣ вражескаго нападенія и проч.? Я осмѣливаюсь утверждать», замѣчаетъ берлинскій теологъ, «что Иисусъ, произнося тѣ слова, совсѣмъ и не думалъ о такихъ случаяхъ, и что растяженіе ихъ въ этомъ направленіи свидѣтельствуетъ о грубомъ и опасномъ недомысліи: Иисусъ всегда имѣеть въ виду только отдѣльное лицо и настроеніе сердца въ любви. А что такого настроенія будто не можетъ родиться въ случаѣ преслѣдованія своего права, при добросовѣстномъ судоговореніи и при серьезномъ наложеніи наказанія,—это предразсудокъ, въ подтвержденіе котораго тщетно ссылаются на букву Христовыхъ изреченій, хотя послѣднія и не претендуютъ быть закономъ, слѣдовательно, юридическими установленіями. Къ этому необходимо прибавить слѣдующее въ интересахъ сохраненія высоты евангельского требованія: Христовъ ученикъ долженъ быть въ состояніи отказаться отъ преслѣдованія своего права и долженъ содѣствовать образованію такого братства, въ которомъ право уже осуществляется болѣе не насилиемъ, но свободнымъ подчиненіемъ благу, и которое соединено узами не правовыхъ установлений, но служеніемъ въ любви»¹⁾.

По своему существу право—не субъективное только понятіе, не продуктъ человѣческаго измышенія, не дѣло сво-

---

¹⁾) Das Wesen des Christentums von A. Harnack. 2-te Aufl. Leipzig 1900. S. 68—71.

бодного произволенія или договора. Наоборотъ, какими бы великими полномочіями ни были снабжены государственные мужи въ устроеніи правовыхъ порядковъ, все-таки первые сознаютъ, что нельзя допускать произволъ въ послѣднихъ и, насколько можно, необходимо дѣйствующее позитивное право сообразовать съ разумною идеою права. Что послѣдняя происходитъ не изъ случайного опыта, это ясно видно изъ того, что сознаніе правды и неправды бываетъ наиболѣе сильнымъ не въ томъ случаѣ, когда жизнь течетъ въ предѣлахъ законности, но именно тогда, когда она противорѣчить правдѣ. Всякому договору непремѣнно предшествуетъ объективное право, обязывающее стороны сохранять договоръ. Также и въ отношеніи исполнительного судопроизводства—не въ его власти судить или не судить подлежащій ему предметъ, но въ принудительной правовой необходимости. Такимъ образомъ, право имѣеть и объективную сторону, посредствомъ которой оно подчиняетъ себѣ человѣка, а не человѣкъ господствуя надъ правомъ. При болѣе внимательномъ проникновеніи въ идею права, не трудно убѣдиться въ томъ, что оно относится къ вѣчнымъ истинамъ, подобно логикѣ и математикѣ, имѣющимъ свою основу въ Богѣ, какъ о томъ и пишеть Псаломпѣвецъ LXXXVIII, 15: «правосудіе и правота—основаніе престола Твоего». Поэтому и въ эллинской религії Δѣятъ имѣть отцомъ Зевса и возсѣдѣть, въ качествѣ охранительницы, на его тронѣ.

Наоборотъ, если право не будетъ возглашаться съ высоты Божьяго престола, то оно окажется только обманчивымъ призракомъ. Несомнѣнно, что богатое содержаніе права раскрывается въ запутанныхъ отношеніяхъ свѣта и въ обществѣ юридическихъ лицъ. Но самое раскрытие обусловлено напередъ данною, прирожденной каждому смертному, идеою права. Очевидно, послѣдняя существуетъ ранѣе усвояющихъ ее лицъ. Поэтому, не какъ нѣчто только полезное, прикладное къ жизни, но, прежде всего, какъ нѣчто полноценное и необходимое само въ себѣ, право имѣеть свою первооснову въ Самомъ Богѣ. Подъ этимъ небомъ, въ земныхъ царствахъ и у народовъ, существуетъ правосудіе только потому, что на небѣ существуетъ высочайшее Божественное правосудіе. Къ сожалѣнію очень немногіе выростаютъ до требуемой существомъ дѣла высоты юридического сознанія; подчась и сами

судьи напоминают приточнаго «неправеднаго» судью Лк. XVIII, 1, 2 и дают поводъ къ справедливымъ жалобамъ потерпѣвшихъ. Но опять-таки несправедливо неудовлетворительной дѣйствительности приносить въ жертву самую идею права, и еще болѣе несправедливо Самого Христа называть соучастникомъ человѣческаго недомыслія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О таинствахъ.—Ихъ необходимость для спасенія.—Крещеніе младенцевъ.—Разборъ возраженій Толстого.

Не различая между эмпирическою и идеальною сторонами въ Церкви и не имѣя никакой потребности въ церковной жизни, Толстой роковымъ образомъ пришелъ и къ отрицанію таинствъ. Слѣдуетъ помнить, что, подобно Слову Божию, и св. таинства даны Церкви и только въ ней имѣютъ смыслъ и значение, а для вѣнчанихъ они, по выражению Толстого, служить только «низменнымъ» и «грубымъ колдовствомъ»¹). Иначе и быть не можетъ. Постраемся напередъ привести некоторые соображенія для оправданія нашей православной вѣры въ церковныя таинства.

Когда мы, православные, разсуждаемъ объ истинной жизни,—объ искупленіи и спасеніи,—то условиемъ ея возникновенія и раскрытия считаемъ вселеніе Духа Божія въ наши сердца и во всѣ наши душевныя способности. Разумъ, чувство, воля, память, воображеніе—всѣ эти силы и способности отдаются нами на служеніе Богу. Теперь спросимъ: по какимъ путямъ и каналамъ вѣнчанія впечатлѣнія входятъ въ нашу душевную жизнь? Какъ возбуждается отъ дремоты нашъ разсудокъ, какъ приводится въ движение наша воля? Отвѣтъ: тѣми органами, посредствомъ которыхъ душа находится въ связи съ окружающимъ ее міромъ, а именно посредствомъ органовъ чувственного воспріятія, особенно же посредствомъ двухъ высшихъ органовъ: *зрѣнія* и *слуха*. Какъ невѣрно было бы, если бы мы сказали, что человѣческій духъ самъ черезъ двери чувственного воспріятія входитъ въ

¹⁾ Отвѣтъ І. Н. Толстого на постановл. Синода. Стр. 9.

человѣка, въ которомъ прежде не было, такъ необходимо признать, что посредствомъ впечатлѣній, производимыхъ въ немъ пятью чувствами, особенно же зрѣніемъ и слухомъ, человѣческій духъ пробуждается отъ дремоты, а затѣмъ раскрываетъ и совершаеть свои способности. Другими словами: духовная жизнь, въ силу творенія и промышленія разлитая кругомъ человѣка,— проявляется ли она въ образѣ человѣческихъ личностей, или же въ различныхъ естественныхъ явленіяхъ,— можетъ воздѣйствовать на человѣческій духъ не иначе, какъ только посредствомъ чувствъ, особенно же зрѣнія и слуха. И вотъ къ этому-то, при самомъ твореніи установленному порядку вещей, примыкаетъ и новотвореніе, благодатное возсозданіе человѣка Св. Духомъ: и Св. Духъ, аналогично съ естественною душевною жизнью, чтобы все-литься въ человѣка, стремится къ своему обиталищу богоопо-ложеннымъ путемъ, посредствомъ тѣлесныхъ органовъ чувствъ. Въ томъ именно и заключается глубочайшее оправданіе *тилесности*, долженствующей быть, по учению Слова Божія и по первоначальному устроенію Божію, отнюдь не стѣсне-ніемъ или оковами духа, но важнѣйшимъ орудіемъ его обще-нія съ цѣльмъ, виѣ его находящимся, міромъ.

Если же Богъ изволить обусловить дѣйствіе Своего Духа на человѣческій духъ посредствомъ тѣлеснаго зрѣнія, слуха, вкуса, ощущенія, то ясно, что для этой цѣли Опъ непре-мѣнно соединить Свой Духъ съ тѣлесными, видимыми, слыши-мыми, чувствуемыми и дѣйствующими на вкусъ предметами; и ту самую видимую природу, какъ она, по самому сотворенію своему, заключаетъ въ себѣ естественную духовную жизнь, такъ въ силу искушлія содѣлаеть носительницей и *святой* духовной жизни. Это и творить Богъ, присоединя по своему благодатному устроенію дѣйствіе Своего Духа, съ одной стороны, къ *слышимому слову*, а, съ другой,—къ *видимому, чувствуемому* и даже *вкусомъ* осозаемому *таинству*. Такъ, слово и таинство являются новозавѣтными благодатными сред-ствами. Такимъ образомъ, и земная природа, хотя и не въ своей цѣлокупности, однако въ опредѣленныхъ видахъ: воды, хлѣба, вина, голоса и при извѣстныхъ условіяхъ возносится въ сферу благодатнаго дѣйствія Божія; и природа привлекается въ тотъ кругъ, въ которомъ дѣйствуютъ благодатныя силы, и потому становится почтеною не на мгновеніе только и не только потому, что представляется твореніемъ Божіимъ, но и потому,

что здѣсь дается ручательство нѣкогда имѣющаго существовать всесѣло напоенного и озаренаго Святымъ Духомъ, прославленного міра небесной тѣлесности.

Сообщеніе благодати посредствомъ таинствъ — этихъ видимыхъ проводниковъ ея — поразительно; но оно было бы совершенно непостижимо, если бы благодать сообщалась намъ безъ всякаго посредства. Примемъ во вниманіе то обстоятельство, что благодать не бываетъ нашимъ достояніемъ, какъ похоть грѣховная, безъ нашего вѣдома, противъ нашей воли, но для этого съ нашей стороны нужно соотвѣтствіе благодати. А чтобы имѣло мѣсто такое соотвѣтствіе для этого требуются предварительныя условія и со стороны Бога, — такія, которыя приготавляли бы насъ къ принятію благодати, и, съ нашей стороны, такія, которыя свидѣтельствовали бы о нашей готовности покоряться ей. И, дѣйствительно, благодать въ таинствахъ какъ бы выходитъ навстрѣчу человѣку, вызывая его къ принятію ея даровъ, а человѣкъ отвѣчаетъ на этотъ призывъ своею вѣрой и вѣрностью. Съ той и съ другой стороны необходимо тѣмъ болѣе употребленіе подлежащихъ чувствамъ средствъ, что отъ человѣка требуется возможное соотвѣтствіе таинственному божественному общенію.

Таинство крещенія есть дверь въ христіанскую Церковь. Подобно многимъ своимъ предшественникамъ, Толстой отвергаетъ крещеніе дѣтей. «Въ крещеніи младенцевъ», пишетъ графъ въ своемъ «Отвѣтѣ» Св. Синоду, «вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть крещеніе для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство» ¹⁾. Что касается Св. Писанія, то мы должны сознаться, что въ немъ нѣть такого мѣста, въ которомъ было бы ясно сказано: «крестите младенцевъ». Но за то въ Писаніи нѣть и запрещенія крестить ихъ. Въ словахъ Ев. Мк. XXVIII, 19: «шедше научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа», можетъ показаться на первый взглядъ, какъ будто содержится повелѣніе научить народы прежде, чѣмъ крестить ихъ, и, въ такомъ случаѣ, конечно, исключается младенческое крещеніе. Но въ подлинномъ текстѣ приведенное мѣсто читается нѣсколько иначе: «дѣлайте всѣ народы Моими учениками ²⁾, крестяще ихъ... и учаще содержать все, что Я

¹⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановл. Синода. Стр. 9.

²⁾ рахутъеъзъ пѣнъ тѣ єїнъ.

заповѣдалъ вамъ». Здѣсь, слѣдовательно, дано повелѣніе апостоламъ—пріобрѣтать народы въ число учениковъ Христовыхъ и пользоваться для этого двумя средствами: крещеніемъ и ученіемъ. Если, такимъ образомъ, придавать особое значеніе порядку, въ какомъ здѣсь перечисляются различныя установленія, то разбираемое мѣсто свидѣтельствуетъ не противъ, а въ пользу крещенія дѣтей, такъ какъ на первомъ мѣстѣ поставлено крещеніе, а наученіе — на второмъ. Въ Д. Ап. довольно такихъ мѣсть, въ которыхъ говорится о крещеніи цѣлыхъ семействъ XVI, 15, 33; XVIII, 8; ср. 1 Кор. I, 16. Но особаго вниманія заслуживаетъ Дѣян. гл. VIII, ст. 9 — 13. Здѣсь говорится о томъ, какъ Симону Магу внимали въ Самаріи «всѣ, отъ *малаго* до большого», а затѣмъ, «когда поѣхали Филиппу..., то крестились и мужчины и женщины». Справедливо думать, что какъ въ крещенныхъ семействахъ находились вмѣстѣ съ взрослыми и дѣти, такъ и въ Самаріи отъ руки Филиппа крестились и тѣ «малые», которые дотолѣ «внимали» Симону.—Толстой беретъ интеллектуальную мѣрку, опредѣляющую достоинство человѣка, хотящаго принять христіанскую вѣру, и ошибается. Что малая дѣти не понимаютъ крещенія, пусть такъ; но много ли смыслатъ они о царствѣ Божіемъ? И, однако, его обѣтовалъ имъ Самъ Христосъ Mr. X, 15, 16; Лк. IX, 47, 48. Когда же собственно начинается пониманіе предметовъ вѣры? Кто осмѣлится провести грань между двумя различными состояніями? Да и что такое представляеть собою такъ называемое взрослое пониманіе? Слава Богу, дарующему намъ «не мѣрою» Своего Духа Io. III, 34, иначе мы никогда не достигли бы мѣры возраста совершенна. Слава Богу, что, какъ любящая мать не дожидается умственнаго развитія своего дитяти, по сообщаетъ ему заранѣе отъ полноты сердца, что надо, такъ и Онъ не ждетъ съ Своими дарами возраста нашей разумности, но учреждаетъ его, такъ что, когда пробуждается нашъ умъ, мы уже оказываемся счастливыми обладателями небесныхъ благъ. Во всемъ, даруемомъ и производимомъ въ крещеніи, нѣть ничего такого, что не могло бы быть заложено въ дѣтской душѣ. Вселеніе Христа—что препятствуетъ самому нѣжному возрасту быть причастникомъ его? Почему въ виноградникѣ Божіемъ, вмѣстѣ съ рослыми лозами, не могутъ произрастать и зеленые побѣги? Прощеніе грѣховъ—почему оно не должно быть положено, какъ драго-

цѣнныи даръ, въ дѣтскую колыбель, особенно, если принять въ соображеніе прирожденную человѣку наклонность къ злу, имѣющуи и въ ребенкѣ съ теченіемъ времени приносить ядовитые плоды? Обязательство къ борьбѣ съ грѣхомъ — почему и оно не должно быть дѣтскимъ достояніемъ, чтобы, съ возрастомъ и въ пору искушений, неофитъ усвоилъ себѣ данное обязательство? Что же касается сообщенія Духа, то, разумѣется, благодатные дары иначе сообщаются взрослому, иначе младенцу. Послѣдній получаетъ ихъ въ видѣ сѣмени или залога, и задача христіанского воспитанія состоитъ въ возращеніи благодатнаго сѣмени, въ пріумноженіи залога.

«*Восими днії отъ рожденія* да будетъ обрѣзанъ у васъ въ роды ваши всякий младенецъ мужскаго пола» заповѣдалъ Самъ Господь Аврааму, поставляя Свой Завѣтъ между Собою и праотцемъ. Обрѣзаніе служило знакомъ принадлежности праотца съ потомками къ народу Божію Быт. XVII, 12. Нужно ли говорить о томъ, что, съ точки зрѣнія нашихъ возражателей, обрѣзаніе несмысленныхъ младенцевъ — также преступная профанація обряда; а, между тѣмъ, по суду Божію, «необрѣзанный», т. е. осмодневный младенецъ (равно и «купленный», рабъ), — «истребится душа та изъ народа своего» ст. 14. — Еще болѣе знаменательное — въ другомъ родѣ — мѣсто находится въ книгѣ Іисуса Нав. IX, 34, 35: «и прочиталъ Іисусъ всѣ слова закона... предъ всѣмъ собраниемъ Израиля: предъ мужами и женами и дѣтьми и пришельцами, находившимися среди нихъ». Опять несообразность съ толстовской точки зрѣнія! Очевидно, Толстой и его союзники не правы, и Церковь можетъ только сказать имъ словами пророка: «не суть бо совѣти мои якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши путіе мои» Иса. LV, 8.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Объ евхаристії.—Ізъясненіе словъ Спасителя при ея установлѣнії.—
Плоды причащенія.—Разборъ возраженій гр. Толстого.—Заключеніе.

Разсуждая въ одномъ своемъ письмѣ о тайной вечери, покойный А. С. Хомяковъ спрашивается: «знаютъ ли люди, что такое тѣло по отношенію къ разуму? Невѣжды и слѣпцы,—ужели думаютъ они, что такъ какъ они сами рабствуютъ своей плоти, то и Христу нельзя не быть рабомъ вещественныхъ стихій? Тотъ, кому вся предана суть Отцемъ его, Тотъ, Кто есть Господь всяческихъ, не есть ли Господь и Своего тѣла? И не силенъ ли Онъ сотворить, что всякая вещь, не измѣняя никакъ своей физической субстанціи, станетъ этимъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое за насъ страдало и проливало кровь Свою на Крестѣ»¹⁾? Эта выдержка изъ твореній Хомякова имѣеть отношеніе и къ графу Толстому. Въ самомъ дѣлѣ, когда Спаситель многократно говорить о принятіи Его ученія, Толстой ничего не возражаетъ противъ этого. Когда же читаетъ въ Евангеліи о принятіи тѣла и крови Христовыхъ.—то начинаетъ злословить и кощунствовать. Очевидно, причина негодованія графа заключается въ невозможности, по его мнѣнію, пресуществленія хлѣба и вина въ пречистое тѣло и кровь Христовы и принятія ихъ вѣрующими.

Почему же невозможно пресуществленіе—объ этомъ графъ молчитъ, если только не принимать къ свѣдѣнію его ничего не объясняющихъ словъ: «въ причащеніи вижу обоготовленіе

¹⁾ А. С. Хомяковъ. Полн. собр. сочин. т. II. Изд. 3. Москва. 1886. стр. 184.

плоти и извращение христіанского учения¹⁾). Если графъ приписываетъ обоготовленіе Христовой плоти, то для насть, въ виду высказанного о Спасителѣ, какъ о Богочеловѣкѣ, смущеніе Толстого является опозданнымъ. Если же графъ «видитъ» обоготовленіе плоти причащающихся евхаристіи, то получаетъ достойное возмездіе въ извѣстныхъ словахъ: «видяще узрите, и не увидите» Ис. VI, 9, потому что причащающіеся не обоготовляются, а только «тѣснѣйшимъ образомъ соединяются съ Самимъ И. Христомъ, и въ Немъ становятся причастными вѣчной жизни»²⁾ не душею только, но и тѣломъ. Если бы евхаристія «питала одинъ духъ, а не имѣла питательной силы и для тѣла, то она не только не могла бы вполнѣ поддерживать нашей духовной также, какъ и тѣлесной жизни вмѣстѣ, но и не могло бы имѣть совершенныхъ дѣйствій для одного духа: духъ имѣль бы жизнь не полную и не совершенно развитую и крѣпкую, потому что тѣло—его необходимый сочленъ въ существѣ человѣка, его необходимое орудіе и органъ, оставалось бы безъ пищи, а, слѣдовательно, безъ жизни: неизбѣжное тѣлесное разрушеніе пресекало бы все развитіе духовной жизни. И, наоборотъ, пища чувственная, питательная только для тѣла и неимѣющая силы для духа,—давала бы человѣку ложную жизнь, возвращая одно тѣло, тогда какъ духъ незримо умиралъ бы среди видимо цвѣтущей жизни тѣла. Итакъ, человѣческому существу здѣсь, на землѣ, нужна пища духовно-чувственная. Такая пища и предлагается въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ»³⁾.

Евангелистъ Матеїй XXVI, 26—7 такъ повѣствуетъ о тайной вечери: «ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое. И пріемъ чашу, хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси. Сія бо есть кровь Моя новаго Завѣта, яже за многія изливаема, во оставленіе грѣховъ» Лк. XXII, 19: «сіе творите въ Мое воспоминаніе». Въ установлѣніи евхаристіи Христосъ далъ обѣтъ совершеннаго послушанія Богу Отцу и—даже до смерти—любви къ грѣшнымъ людямъ. Увѣщевая «сіе творить въ Его воспоминаніе», Христосъ выражаетъ ту мысль, что евхаристія не есть

¹⁾ Отвѣтъ, стр. 9.

²⁾ Просп. хр. катихиз. «О причащеніи».

³⁾ Іоаннъ Пресв. Богословск. академич. чтенія. Сиб. 1897. Стр. 254.

только торжественное воспоминаніе о Немъ, Умершемъ, но воспоминаніе также и единенія съ Нимъ, воскресшимъ, вознесшимся и съдящимъ одесную Отца. Это праздникъ христіанскаго упованія и чаянія втораго славнаго пришествія Судіи живыхъ и мертвыхъ. «Сие творите въ Мое воспоминаніе». Не сказалъ: благовѣстуйте о томъ, что сдѣлалъ Я для васть, но: творите то, что Я теперь творю. Этими словами Онъ заповѣдалъ, что празднованіе должно быть точнымъ и живымъ подобиемъ всего, сдѣланнаго Имъ въ ту священную ночь. Его благодаренію должно уподобляться наше благодареніе, Его преданности волѣ Отца должна соотвѣтствовать преданность церкви той же волѣ. Какъ онъ преломилъ хлѣбъ и благословилъ его съ чашею, такъ поступать должны и Его слуги, о чёмъ и пишетъ апостолъ 1 Кор. X, 16. Такъ евхаристія есть вмѣстъ и жертва и общеніе, въ основѣ которыхъ находится истинное и дѣйствительное пресуществленіе хлѣба и вина въ истое тѣло и кровь Христовы.

Почему же мы понимаемъ слова: «сіе есТЬ тѣло Мое» въ буквальномъ ихъ смыслѣ? Тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ выраженіе: «есть» употребляется въ смыслѣ: «озна-чаетъ», напр.: «поле есть міръ» Ме. XIII, 38, т. е. означаетъ міръ. Отвѣтъ: въ притѣ дѣло обстоитъ такъ; а здѣсь предъ нами развѣ притча? Господь передаетъ *запыщаніе* Своимъ ученикамъ. Разбираемыя слова суть слова завѣта, и, слѣдовательно, должны быть понимаемы буквально и въ собственномъ смыслѣ, а не символически. Допустимъ, кто-либо въ своей предсмертной волѣ завѣщаетъ своему другу имѣніе, а душеприкащики поднесли бы наследнику вмѣсто имѣнія только изображеніе послѣдняго: разумѣется, наследнику не обрадовался бы тому, что картина «означаетъ» имѣніе. Завѣщаніе не притча. Завѣщатель не шутить словами, и понимать ихъ нужно въ подлинномъ смыслѣ. Такъ обстоитъ дѣло и съ разматриваемыми словами: «сіе есТЬ тѣло Мое» и пр. Равнымъ образомъ, когда, послѣ преподаннаго Спасителемъ ученія о хлѣбѣ жизни, «мноїс изъ учениковъ отошли отъ Него» Іо. VI, 66, стѣни Учителю только сказать, что Опь говорилъ символически, и отшедши возвратились бы. Однако, такого комментированія не послѣдовало: «Сынъ Божій и не былъ „да“ и „нѣть“; но въ Немъ было „да“» 2 Кор. I, 19. Или заподозрить подлинность евангельскихъ и ап. Павла свидѣтельствъ насчетъ установлѣнія евхаристії? Но это значило

бы повторствовать противонаучнымъ капризамъ, особенно здѣсь неумѣстнымъ. Названныя свидѣтельства принадлежать «къ древнѣйшему и къ несомнѣнѣйшему изъ всего того, что предано намъ изъ Его (Христовыхъ) устъ» ¹⁾.

Если, наконецъ, Толстой смущается выраженіями: «тѣло» и «кровь», то совершенно напрасно. Ибо «что такое тѣло Христа прославленнаго, какъ не Его *проявленіе?* Такимъ образомъ, Церковь, радостная и признательная, знаетъ, что Спаситель ея даровалъ ей и не только общеніе духа, но и *общеніе пролаленія*, и человѣкъ, рабъ плоти, вещественнымъ дѣйствіемъ претворяетъ себѣ вещество, которымъ облекается Христосъ силою дѣйствія духовнаго» ²⁾.

Толстой—не первый мученикъ сомнѣній насчетъ евхаристіи. Еще Несторій, въ силу своего лжеученія о лицѣ Христа, логически пришелъ къ отрицанію евхаристійной жертвы. «Безкровный Агнецъ», по ученію Несторія, «не заключаетъ въ Себѣ ничего особеннаго... кромѣ того, что мы возвѣщаемъ смерть *человѣка* и празднуемъ память подобнаго намъ» ³⁾. «Мы не вкушаемъ», отвѣчаетъ на это св. Кириллъ Александрийский, «такъ, какъ бы мы поядали Божество, но мы вкушаемъ собственную плоть Логоса, которая сдѣлалась животворящею, поелику есть плоть Того, Который живеть въ Отцѣ. И такъ какъ тѣло Логоса сдѣлалось животворящимъ, поелику Онъ сдѣлалъ его Своимъ собственнымъ посредствомъ соединенія, превосходящаго всякия наши понятія, то и мы, которые пріобщаемся Его плоти и крови, оживотворимся, такъ какъ Логосъ теперь обитаетъ въ насъ не только Божествомъ, посредствомъ Св. Духа, но также и по человѣчеству, посредствомъ Своей св. плоти и честной крови» ⁴⁾. Выражаясь словами св. И. Златоуста, въ евхаристіи предлагается вѣрующимъ тѣ фармаконъ тѣ изѣболикъ ⁵⁾.

Итакъ, евхаристія есть всеобъемлющее и всесѣлительное «лекарство», какъ и гласить о томъ церковная молитва: «якоже быти причащающимся, во трезвѣніе души, во оставленіе грѣховъ, въ пріобщеніи Святаго Твоего Духа, во исполненіе царствія небеснаго, въ дерзновеніе еже къ Тебѣ, не въ

¹⁾ Beyschlag. Das Leben Iesu. Halle. 1885. I-ter Th. s. 187.

²⁾ А. С. Хомяковъ, стр. 134.

³⁾ Сур. Alex. Adv. Nest. IV. с. 6 Migne LXXVI. (p. 200).

⁴⁾ Ibid. с. 5, (p. 192).

⁵⁾ Chrys In. ep. I ad Cor. hom. XXIX. Opp. ed. Montf. X. p. 307.

судъ, или во осужденіе¹⁾). Обыкновенно никто и ничего странного не находить въ томъ, когда врачъ предписываетъ больному принимать подчасъ горьчайшее лѣкарство. Наоборотъ, не потерявшій умъ больной просить дать ему послѣднее, правильно употребляетъ его и находитъ это совершенно въ порядкѣ вещей. Цѣлые курсы читаются по фармакодинамикѣ, и никому не приходить въ голову недоумѣвать или сомнѣваться по этому поводу, хотя было бы о чёмъ задуматься и здѣсь, а именно: о терапевтическомъ или динамическомъ дѣйствіи лѣкарствъ, о химическихъ соединеніяхъ, объ органическихъ, производимыхъ послѣдними, процессахъ, о преобладаніи однихъ надъ другими и пр. Наука, вѣдь, не простирается дальше подведенія подлежащихъ ей явлений подъ известныя формулы, а на вопросы: почему это, именно, средство дѣйствуетъ такъ, а другое иначе? — она хранить упорное молчаніе. И опять-таки никто не находитъ страннымъ такое молчаніе. Зато какъ только тѣ же лица начнутъ трактовать христіанскія таинства, такъ готовы всѣхъ христіанъ привязать къ позорному столбу. Непослѣдовательность непростиительная и требовательность неосновательная. Кто бы ни былъ изслѣдователь божественныхъ тайнъ, всякий долженъ помнить объ ограниченности человѣческаго разума и приложить къ нему слова изъ книги Іова XXXVIII, 11: «до сего дойдеши и не прейдеш».

Минуя другія частности толстовскаго лжеученія, заключимъ свой бѣглый разборъ крайнимъ сожалѣніемъ объ отсутствіи культурности и богословскаго образованія въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ лицахъ, выступившихъ добровольцами-защитниками графа Толстого. Какой прекрасный давался поводъ серьезно высказаться по жгучимъ религіознымъ вопросамъ, какіе широкіе горизонты открывались для философской мысли, какая вопіющая нужда заявляла о спокойномъ обсужденіи дѣла! И что же мы увидѣли? Да ничего дѣльного, кроме оскорбительныхъ басенъ и памфлетовъ, направленныхъ по адресу духовной власти, и съ тонкимъ расчетомъ на нравственную разнузданность и грубые вкусы толпы. Своего рода шедевромъ «обличительной проповѣди» на духовенство является второе письмо какого-то неизвѣст-

¹⁾ Лит. Св. I. Злат. Молитва по пресуществленіи.

наго¹⁾ автора, на склонѣ старческихъ дней исповѣдующаго непримиримую ненависть къ православной церкви ея служителями.

Не далеко подвинемся мы впередъ, если и впредь будемъ относиться къ серьезнымъ предметамъ съ преступнымъ легкомысліемъ и съ невѣжественнымъ предубѣждениемъ, воображая, что мы «богаты и ни въ чемъ не нуждаемся», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы «несчастны, и жалки, и ници, и слѣпы и наиги» Апок. III, 17. Полезно было бы вникнуть въ это назиданіе и тому, кто заявляетъ о себѣ слѣдующими стоическими словами: «я снокойно и радостно приближаюсь къ смерти»²⁾. Судя по «Отвѣту», графъ Левъ Николаевичъ Толстой долженъ былъ бы выразиться о себѣ совсѣмъ иначе, а лучше всего извѣстнымъ четверостишиемъ своего однофамильца графа Алексея Константиновича Толстого³⁾:

„Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
„И душа собою вѣчно недовольна:
„Нѣть ей приговора, пѣтъ ей примиренья,
„И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно“.

1) Т. е. такого автора, съ именемъ и фамиліей котораго у литературы нѣть никакихъ связей. «Вѣра и раз.» 1901. № 8.

2) Л. Толст. Отвѣтъ... Стр. 16.

3) А. К. Толстой. Сочин. Спб. 1886. т. I, стр. 263.

ГЛАВНІЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страна- ницы.</i>	<i>Страна- ки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Следует читать.</i>
8	14	св. вѣса	вѣса,
11	18	сп. дѣйствіяхъ	дѣйствіяхъ;
12	15	которое,	которое
21	14	искусствѣ, обѣ	искусствѣ,—обѣ
—	10	— этой, исполненной	этой Богочеловѣческой жизни, исполненной
29	10	св. смыслъ	смыслъ
—	9	сп. истина	истина,
30	1	св. основыvается	основыvается
—	2	— сознанія	сознанія?
—	14	другимъ	другимъ,
—		ограниченное,	ограниченное
34	2	требовать	требовать
	9	дѣла	дѣла,
	16	сп. священника.	священника».
35	10	св. удастся	удастся
36	5	Wetträthsel	Welträthsel
—	16	и,	и
	17	значеніи,	значеніе
11	3	— возраженіи	возраженій
	9	теперь	теперь,
	17	легко вѣрно	легковѣрно
4	сп.	но	но,
2		отвергнуты	опровергнуты
42	6	сп. дѣйствіемъ	дѣйствіемъ
	7	благодати	благодати?
14		замѣчательно	замѣчательное
32		но	но,
43	1	божества	блаженства

<i>Стран- ницы.</i>	<i>Стро- ки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слайдемп читани.</i>
	19	странного	нелѣдаго
	24	заимообщенію	иззаимообщенію
	29	уподобиться	уподобится
	2 сн.	1091	1901
44	20	св. что это	что-же это
	24	къ сожалѣнію	къ сожалѣнію,
	31	и	и,
	33	не логичность	нелогичность
45	9	нее, и, все-таки,	нее,—и, все-таки,
	10	не тронутою	нетронутую
50	24	преподала	преподала бы
51	17	мы говоримъ:	мы не говоримъ:
	25	Гдѣ же спрашивается	Гдѣ же, спрашивается,
	27	Матеся. Въ	Матеся? Но въ
	5 сн.	наоборотъ, общимъ	наоборотъ, и общимъ
52	14	слышить	слышть
	13	самимъ	самимъ же
54	7	со временемъ	современемъ
	11	подъ	надъ
	13	себѣ	свое
55	9	св. со временемъ	современемъ
57	5	и	а
61	11	постраемся	постараемся
62	5	совершаетъ	усовершаетъ
64	9 сн.	учреждаетъ	упреждаетъ
65	28	не правы	неправы
70	14	могло	могла
	28 и 30	приемъ	приемъ
	36	увѣщевая	увѣщавал
71	22	обстоять такъ	обстоять, дѣйствительно, такъ
	38	Божій и не	Божій не
	3 сн.	было „да“	было только „да“
72	9	св. ей и не	ей не
	35	пріобщеніи	пріобщеніе
74	2	церкви ея	церкви съ ея

